

ВРАТА КАВКАЗА

← МАКСИМ →
АЛЕКСАШИИИ

Исторические приключения

Максим Алексашин

Врата Кавказа

«Махров»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алексашин М.

Врата Кавказа / М. Алексашин — «Махров»,
2018 — (Исторические приключения)

ISBN 978-5-6040911-1-1

XIX век, Кавказ. Жидкая цепочка русских войск, растянувшаяся вдоль огромной территории от Каспия до Чёрного моря, прикрывает братьев по вере из Грузии и Армении от кровожадных персидских войск, рвущихся устроить поголовную резню христиан. Стержнем обороны является 17-й Егерский полк, прообраз армейского спецназа, под командованием полковника Павла Карягина. Против них – стотысячное войско, за ними – только мирные жители. Это их, русских егерей, прославившихся безумной храбростью, самоотверженностью и стойкостью, современники назовут «спартанцами», а потомки будут изучать тактику полковника в военных школах и академиях. Но думал ли Павел Карягин, что кроме войны найдет на Кавказе и любовь?

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6040911-1-1

© Алексашин М., 2018

© Махров, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	41
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Максим Иванович Алексагин

Врата Кавказа

© Алексагин М.И., 2018

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

* * *

*Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русский стих
Кизилovým струиться соком.
Сергей Есенин, «На Кавказе»*

Глава 1

Егеря её величества

«Бог не на стороне больших батальонов, а на стороне лучших стрелков».

Вольтер

– Холодно! – голос видавшего виды егеря в потрёпанном камзоле нарушил тишину Ногайской степи. Он пристроился на лафете одной из четырёх полковых пушек, которые обгоняли ротную колонну.

– Куда нас теперь? – вздохнул шедший рядом молодой мушкетёр. Ему, этому юноше, было сложнее нести службу из-за своей неопытности, да ещё и потому, что солдатам мушкетёрской роты, к которой он был приписан, полагалось, кроме ружья, носить шпагу. И если егеря, к которому был обращён вопрос, мог позволить себе сложить часть оружия – пистолеты и тесак – на обозную повозку, то мушкетёрам уставом предписывалось следовать в походной колонне при полном вооружении.

– На Терек.

– Меня Иосифом зовут! – представился мушкетёр.

– Сёмыч! – дружелюбно протягивая руку, ответил егеря.

Рукопожатие поразило старого солдата.

– Пальчики эвон какие холёные, а рука крепкая! Откуда ж ты, сынок?

– Из столицы!

– Благородие, значит?

– Ничего это не значит! Простой солдат я! – обиделся мушкетёр, укутываясь в шинель, скрывавшую знаки отличия. Всё: и манеры, и походка, и речь – говорило о его дворянском происхождении..

– Полно тебе дуться! – потрепав по плечу мушкетёра, произнёс Сёмыч, улыбаясь в седые густые усы.

Но солдат, нахмурившись, продолжил свой путь в тишине.

– Столько вёрст с ружьём за спиной. Погон стёрся! – отозвался его сосед. – Да и зачем здесь ружья? Наша это земля, кого бояться? Задние повозки пустые идут. Сложили бы ружья, для весу одной шпаги хватило бы!

– Даже если твоё оружие понадобится тебе лишь однажды, оно стоит того, чтобы носить его всегда! – ответил Сёмыч. – Вон, твой товарищ обиделся на меня, дурня старого, а не стонет, молча сносит тяготы воинской службы. Ему бы и в голову не взбрело жаловаться на своё ружьё.

Первый солдат, услышав эти слова, оглянулся. В уголках его глаз заиграли огонёчки, на лице появилась благодарная улыбка. «Не ошибся, значит!» – пронеслось в голове у Сёмыча.

– Да куда мы идём-то? – никак не унимался второй мушкетёр. – Слышал, в Персию, в этот «лес львов»! Не суются с ножом туда, где топор нужен! С персами да горцами как в Европах не повоюешь!

– Русского солдата ещё никто не бивал! Потерпи, сынок, как перейдём реку – во всей амуниции зашагаешь к своей славе! Тогда попомнишь мои слова!

– Зачем мне эта слава? – буркнул второй мушкетёр. – У меня в станице девка осталась. Хотел замуж позвать. А тут эта война, будь она неладна. Это вы, крепостные, люди подневольные. Вам сказано умереть, вы и умираете по приказу, а я из казаков. Мы на Кубани да Тереке со времён батюшки нашего царя Иоанна Васильевича живём. Это мы России Терек на блюде преподнесли, и за то царь нас землями и вольницей жаловал. Казак я! Потому не ищу жизни лёгкой и смерть свою сам найду.

– Ну, раз казак, поразмысли сам. Землица ваша узкая, горцами беспрестанно посещаемая. Небось, много крови отец, дядья да братьевья пролили?

– Много.

– Вот, а государыня-матушка Екатерина хочет от этих горестей вас самих-то прежде прочих избавить. Потому и формируется наш полк из вашего брата – линейных казаков¹. И называется он Кубанским. Кому, как не вам самим, землю свою защищать?

– Да мы сами за себя постоять можем!

– Как фамилия-то, герой?

– Татаринцев!

– И велика семья?

– Семеро нас у тятеньки.

– А из семерых сколько под ружьё встать могут?

Солдат, к которому были обращены слова, засмутился и, потупив взгляд, ответил:

– Двое: я да тятя. Остальные девки мал мала меньше...

– Вот видишь сам! Мало вас, Татаринцевых, пока, а России спокойствие здесь нужно. По той причине и стягиваются сюда полки...

Сзади послышался стук копыт, и молодой, по-мальчишески задорный голос прервал солдат:

– Да вам в Сенат, милостивые государи, дорога. Эвон как о государевой политике ладно размышляете.

Подъехавший к спорщикам офицер спешил и, взяв коня под уздцы, добавил:

– Государыня наша продолжила дело царя Петра: идём перса бить – главного подстрекателя горцев. Не будет на Кавказе перса – не от кого горцам будет поддержки получать. А перс – он зачем на Кавказ пришёл? Единоверцев наших грузин да армян со свету свести. Вестимо ли дело, чтобы мы, русские, братьев по вере бросали? Армяне народ мирный – хлебопашцы, грузины – народ бедный. И тех и других коварный перс обворовывает! Да ещё силой к смене веры склоняет! Так ещё и в наши станицы, злодеи, зачастили!

– Верно глаголете, Ваше высочордие, – бойко отозвался Татаринцев. – Я Кавказ хорошо знаю – он лишь силу уважает. Когда персов да турок здесь не станет, горцы побоятся к нам соваться. Здесь мы – сила. Горцы-то, конечно, смелости бесшабашной, но при малочислии своём – люди слабые и уступчивые. Мира хотят, как и мы. А землицы – её на всех хватит: и на горцев, и на нас.

– Стало быть, и спору конец! – подытожил офицер, вскакивая на коня. И, уже обращаясь к старому егерю, добавил. – Сёмыч, пригляди за юнцами. Особенно за казаками. Они крови горячеей, молодецкой. Кабы не растратили свою удаль да бойкость по глупости своей. Они – сила моя, а вы, старые служаки, – опора.

– Рады служить! – улыбаясь в прокопчённые табаком седые усы, выпалил егерь.

– Становимся у реки! – громко прокричал офицер и, пришпорив коня, помчался в голову колонны.

– Кто это? – спросил у егеря мушкетёр.

– Как встанем лагерем, будет построение полка. Там и состоится представление командира. Пока же скажу: человек он отчаянной храбрости и большого ума. Но дисциплину любит.

¹ *Линейные казаки* – казаки, расселённые Екатериной II на северных берегах Кубани и Терека вдоль Кавказской укрепленной линии. Кавказская укрепленная линия (Кавказская Линия) – система пограничных укреплений русских войск на Кавказе в XVIII–XIX веках. Возводилась для защиты российских коммуникаций и использовалась при обеспечении действий русских войск в ходе кавказских войн. Включала Кизлярскую, Моздокскую, Кубано-Черноморскую и другие линии, объединённые воедино в 1785 году. В описываемые времена Кавказская кордонная линия проходила по рекам Кубани, Малке и Тереку, с передовыми линиями по Лабе и Сунже, прикрывая все занятые русскими части края по северную сторону Главного Кавказского и Андийского хребтов. Основанием Кавказской линии послужили казачьи поселения, созданные в XVI–XVII веках на Тереке и Кубани.

При Потёмкине² оно как было: каждый барин себя офицером считал, а каждый офицер – барин. Потёмкин солдата любил и заботился о нём, но вся дисциплина в армии только на Суворове как держалась, так и держится. А Суворов-то, он один. Тот барин не был. Сейчас всё меняется. Командир наш суворовской закалки. Мы с ним вместе татар здесь гоняли. Офицеры нынче в полку подобраны боевые. В основном не родовитые, а смелостью в бою чин заработавшие. Армия меняется: получила новую форму, ружья, снабжение улучшилось. С таким командиром да обеспечением можно ли позволить себе плохо воевать?

К вечеру батальоны Кубанского егерского корпуса подошли к Моздоку. В окрестностях города был разбит лагерь, солдатам были розданы боеприпасы. Согласно приказу после перехода реки Терек ружья следовало держать заряжёнными. Русский солдат ступал на Кавказскую землю, раздираемую междоусобицами.

Командиры по заведённому командующим войсками Кавказской линии Иваном Васильевичем Гудовичем правилу остались при своих подчинённых в лагере. Расставив караулы, они уединились в палатке командира роты егерей майора Карягина.

Павла Михайловича Карягина в батальоне любили особенно. Солдаты считали его своим за простоту в обращении и беспримерную смелость. Никто не знал точно ни его возраста, ни происхождения. Однако в батальоне ходили слухи о бесстрашном командире. Их распространял запевала и балагур Гаврила Семёнович Сидоров, прошедший бок о бок с Карягиным все военные компании екатерининской эпохи. По словам егеря Сидорова, командир начал свою службу вместе с ним простым рядовым солдатом в Бутырском пехотном полку 15 апреля 1773 года. Карягин умел читать и писать, поэтому его причислили к Смоленской монетной роте счетоводом. Но рутинная участь штабного казначея вряд ли была пределом мечтаний юноши, и начавшаяся вскоре Первая турецкая война дала ему долгожданный шанс отличиться в бою. Это рукой Карягина под диктовку Румянцева была написана знаменитая реляция о взятии Кагула: «С удивительной скоростью и послушанием построенный опять карей генерал-поручика Племянникова, воскликнув единым гласом «Виват, Екатерина!», шёл вперёд...» В рядах фронтового фаса каре с примкнутым штыком, упиваясь собственной храбростью, наступал и Паша Карягин. В боях под Кагулом будущий командир егерей сделал свой первый твёрдый шаг навстречу славе, блистающей на оточенных штыках русских солдат.

Россия доказала всему миру, что умеет не только побеждать, но и в полной мере наслаждаться славой своих побед, не предаваясь при этом слабости умиления, а лишь разжигая в сердцах солдат веру в себя, своего командира и своё оружие. Блистательные победы под началом Румянцева вселили в Карягина веру в ту силу русского солдата, опираясь на которую он впоследствии никогда не считал численности противника. Но по-настоящему его жизнь перевернуло знакомство с Александром Васильевичем Суворовым, его «Науку побеждать» Карягин вызубрил наизусть.

Русское воинское искусство, самобытность которого позволяла творить чудеса на поле боя, было заложено в природе самого русского человека, вынужденного всю жизнь защищать свои пашни и свою семью от многократно превосходящего врага. Именно эту особенность использовали талантливые русские военачальники. А те из них, кто пытался перекроить русского солдата на западный манер, сразу терпели поражение. Это понял и Пётр I после нескольких своих неудачных походов, что послужило для него поводом обратиться к опыту его отца, царя Алексея, начавшего формирование регулярной армии. Пётр закончил дело отца и обозначил общие начертания русской военной доктрины, фундамент которой был впоследствии

² Здесь речь идёт о Павле Сергеевиче Потёмкине, дальнем родственнике светлейшего князя Григория Потёмкина, государственном и военном деятеле, участвовавшем в русско-турецких войнах. В 1782 году он принял командование русской армией на Северном Кавказе.

заложен Румянцевым. Но именно Суворов поднял русское военное искусство на недостижимую для западных и азиатских армий высоту.

Модернизированная русская армия екатерининских времён явила миру новый образец военной организации, построенной не на бездушном европейском вколачивании в рекрута основ дисциплины, а на осознании того, что отвага и самопожертвование, понимание своего места и действий в строю – это единственные условия выживания в бою. Вторым, не менее важным фактором стало солдатское братство, породившее персональный внутренний стержень каждого отдельно взятого русского солдата – самодисциплину. Суворовское «сам погибай, но товарища выручай» родилось из самого характера русского воина, понимавшего, что личная трусость и опасение за собственную жизнь погубят как душу, что для набожных русских людей было недопустимо, так и тело, поскольку дрогнувший, бегущий с поля боя солдат – уже жертва, не способная бороться за свою жизнь. Более того, предатель сваливает на остальных бойцов обязанность защищать бегущего, ослабляя позицию подразделения в целом. В сознании наших солдат закрепилась аксиома: бегство одного человека может привести к разгрому всей армии. Так родилось понятие стойкости как осознанной необходимости выживания в бою. Она стала тем самым цементирующим разнородные войска качеством, благодаря которому командир мог смело вести своё подразделение на противника при любом соотношении сил, будь противник в два раза сильнее или в двадцать. Именно стойкость стала решающим фактором любого боя, в котором принимала участие русская армия.

В итоге русская армия екатерининских времен стала резко отличаться от европейских армий. Всё, начиная с простой и удобной «потёмкинской» формы, с внутреннего устройства единственной в Европе национальной армии и заканчивая новыми принципами обучения, основанными на моральном воспитании солдата, а не на европейской бездушной дрессировке, не могло не отразиться и на самих принципах организации боя русской армии.

Отличие от европейской стратегии, преследовавшей чисто географические цели овладения разными «линиями» и «пунктами», русская стратегия ставила своей целью разгром живой силы противника.

Линейный боевой порядок, царивший тогда в Европе, совершенно не привился в России. Бесперспективное хождение «линия на линию» при равной подготовке солдата и одинаковых характеристиках оружия ни к чему, кроме бессмысленной бойни при сомнительных боевых результатах, привести не могло. Первыми это поняли Румянцев и Суворов, которые применили совершенно иную тактику, на полстолетия обогнав косное военное искусство Европы.

В основу новой русской доктрины была положена «Перпендикулярная тактика», нашедшая широкое применение в нашей армии задолго до революционных и наполеоновских войн. Фундаментом новой тактики стало изменение боевых порядков русских войск, когда батальонные и даже ротные каре, рассыпной строй егерей далеко за флангами, молниеносные рейды кавалерии, атаки колоннами, а не линиями, в считанные минуты меняли картину боя, в то время как линейное построение европейского, особенно прусского, образца исключало всякое маневрирование в бою. Перестроения без риска полного разгрома были невозможны: пехотный бой можно было подготовить, но им нельзя было управлять.

Русская тактика, наоборот, была основана на том, что не только офицеры, но и каждый солдат понимал свой маневр. Управление войсками в бою допускало самое широкое проявление частной инициативы. И если иностранные армии по установленным правилам атаковали противника одним сплошным, непрерывным фронтом, выстроившись в линии из трёх-четырёх шеренг, то в русской армии её подразделения получали самостоятельные задачи. Решение этих задач ложилось полностью на плечи командира. И не главнокомандующий, а командир подразделения самостоятельно решал, как ему поступить: построить своих подчинённых в каре, избрать линейную тактику или атаковать колонной. Именно командир на месте решал, что эффективней в данный момент: ружейный огонь или необходимость удара в штыки полка,

батальона, роты. Были, конечно, свои аксиомы, лаконично изложенные в суворовской «Науке побеждать», но даже они являлись лишь рекомендациями, основанными на опыте, позволявшими для каждого конкретного случая применять свои методы уничтожения противника. Общая задача отныне у русской армии стояла одна – разгромить, не отгеснить, не отнять позицию, а именно разгромить противника.

Новая русская тактика, как и вся русская доктрина, стала гибкой и эластичной. Уходя от шаблонности в принятии решений, она позволяла использовать приёмы, которые диктовали обстоятельства, а не устав, и своевременно применять их в складывающейся обстановке. Она стала непредсказуемой, а поэтому грозной для противника.

Русское военное искусство впервые применило эшелонирование войск в глубину. Наличие боевых резервов и умение своевременно пользоваться ими давало русской армии преимущество в борьбе с линейными построениями европейцев и превосходство над отвратительно управляемыми азиатскими армиями. Отныне умелый манёвр был противопоставлен количественному превосходству противника.

Суворов сумел понять и донести до солдат и офицеров мысль, что победа на поле боя зависит не только от формы построения подразделения, но и от энергии атаки и от её внезапности. Александр Васильевич считал, что удар должен быть сокрушающим в одном месте, в одной точке, а не размазанным по всему фронту. Использование тактической внезапности на выбранном заранее направлении позволяло захватить инициативу в бою, после чего энергичный натиск всеми имеющимися силами и преследование противника до полного его разгрома решали исход боя.

Война с горцами на Северном Кавказе также способствовала отказу от линейной тактики, вследствие чего прежние уставы оказались непригодными не только для егерских батальонов, но и для частей мушкетёров и гренадёр. Война в горах вызвала резкое развитие новой тактики: действие пехоты в рассыпном строю в условиях пересечённой местности.

Изменение всей военной системы создало предпосылки ещё и к тому, что в русской армии появились офицеры, вышедшие из простых солдат. Проявлявшие чудеса смелости и стойкости в бою солдаты очень быстро продвигались по служебной лестнице, являя собой пример и образец для подражания со стороны других солдат. Начальствующий состав русской армии перестал быть исключительно дворянским, как было до сих пор. Во многом на офицерах, вышедших из солдат и знавших солдатские нужды, базировалась сила русской армии. Однако же и дворяне службу в полку начинали простыми солдатами. Дворянские дети зачислялись в полк 14-ти лет от роду простыми солдатами и только потом, пройдя службу фурьерами и сержантами, производились в офицеры. Так каждый офицер разделял с простыми солдатами все трудности и тягости походной и боевой жизни и до производства в первый офицерский чин имел практическое знакомство с серьёзными требованиями военной службы, узнавая из личного опыта негативные последствия легкомысленного отношения к ней.

Карягин был как раз одним из тех офицеров, которые помнили свою солдатскую службу и ревностно, как родители к детям, относились к каждому своему солдату. Павел Михайлович, обладавший чудесной памятью, знал каждого своего солдата по имени, что повышало его авторитет в глазах подчинённых. Спустя два года с начала службы, 25 сентября 1775 года за смелость в боях рядовой Карягин был произведён в сержанты Воронежского пехотного полка.

Пройдя румянцевскую и суворовскую школу, юноша вышел из неё бесстрашным боевым офицером – лучшим из солдат – и в 1783 году в чине подпоручика Белорусского егерского батальона Бутырского полка впервые попал на Кавказ. 1 августа 1783 года Павел Карягин получил урок тактики, который не раз впоследствии спасал его жизнь.

В этот день по приказу генерал-поручика Суворова бутырцы были подняты по тревоге и отправлены в урочище Урай-Илгасы у реки Большая Ея на выручку одной-единственной

роте своего полка, подвергшейся нападению десятитысячной Ногайской орды. Каково же было удивление полка, когда, соединившись с потрёпанной ротой, солдаты узнали подробности боя.

Оставленная в пикете у переправы на реке Большая Ея 7-я рота Бутырского полка под командованием поручика Житкова неожиданно была атакована ногайцами, поддавшимися на провокации крымского хана Шагин-Гирея. Быстро перестроившись в оцетинившееся штыками каре, рота начала отступление к своим. Три часа продолжался неравный бой. Пушки, выставленные в углах каре, вели картечный огонь. Защищавшие их гренадёры отбивались гранатами, мушкетёры вели плотный ружейный огонь, не позволяя ногайцам прорвать строй. Когда же ногайский хан Канакая Мурза лично повёл в атаку своих лучших воинов, он был сражён метким выстрелом самого командира роты, после чего рота ударила в штыки. Пройдя тридцать вёрст, рота наконец-то вышла на дорогу, где дружный залп подоспевших рот Бутырского полка решил исход боя. Александр Васильевич Суворов с восторгом написал в рапорте: «...сия рота действовала всюду с полным присутствием духа до конечного сокрушения варваров!» Карягин из этого боя, в конечной фазе которого ему довелось участвовать, вынес правило: грамотно организованная оборона, смелость духа и вера в собственные силы превращает даже небольшое подразделение в несокрушимую силу. Бутырский полк основным своим составом навалился на ногайцев и разгромил их силы.

После этого произошло событие, которое многие современные историки трактуют превратно. По приказу Суворова было произведено действие, которое на современном языке назвали бы «зачисткой». Сражение у Керменчика и Сарычигера 1 октября 1783 года привело к полному разгрому ногайцев, что поставило на грань существования их как нации. Эти события ставят Суворову в упрёк, обвиняя полководца в излишней жестокости. Но если повнимательней приглядеться к ситуации, то его действия не кажутся такими уж неразумными. Подвиг 7-й роты Бутырского полка выявил коварство и кровожадность ногайцев.

А ведь ногайские кибитки в междуречье рек Большая и Малая Ея собрались не случайно. В день тезоименитства императрицы Екатерины II Ногайская Орда должна была присягнуть на верность России. После того, как присяга была принята и русские солдаты вместе с ногайскими мурзами преломили за одними столами хлеб, утром следующего дня, надеясь на то, что наши воины потеряли бдительность, ногайцы совершили вероломное нападение на самое малочисленное и отдалённое подразделение полка, желая разбить силы русских по частям. Суворов, тем не менее, призвал не мстить ногайцам и отпустил их за Кубань, но после нападения на Ейское укрепление уже Григорий Потёмкин отдал приказ «привести в покорность силою этот народ». Суворов выполнил приказ с присущей ему изобретательностью. Русская армия в составе 16 полков пехоты, 16 эскадронов драгун, 16 Кубанских казачьих сотен при 16 орудиях скрытым ночным маршем двинулись к месту слияния рек Лабы и Кубани, причём тайная переброска русских войск была столь искусно произведена, что атака неизвестно откуда взявшейся армии ошеломила ногайцев. Разгром был полный. Орда потеряла от 3500 до 4000 человек только убитыми. Во время этой операции погибло 4 русских солдата, 7 было ранено и 15 пропало без вести. Более остальных постарались кубанские казаки, мстившие кочевникам за постоянные набеги.

Никто не мог предположить, что появление в Ногайских степях русского Бутырского полка резко изменит ситуацию на всём Кавказе. Новый 1783 год начался с подписания Манифеста императрицы Екатерины о вхождении Крыма, Тамани и Кубани в состав Российской империи.

Русская слава гремела по всей Кубани, перекатывалась за Терек, плескалась волнами тревожных слухов у подножия Кавказских хребтов. Эта вечная, монолитная, покрытая ледниками горная гряда теперь осталась единственной преградой, которая отделяла друг от друга два православных царства: Российскую империю и Картли-Кахетию.

Наблюдая за успехами русской армии на юге и мечтая вернуть былую славу Великой Грузии, картли-кахетинский царь Ираклий II вызвал к себе князя Герсевана Ревазовича Чавчавадзе, человека, которому он доверял более чем всем родственникам, вместе взятым. Герсеван Чавчавадзе был не простым грузинским феодалом. В его жилах текла кровь фанатичного патриота своей страны, готового отречься от славы и величия ради её процветания. Но именно громкое имя и титул позволяли вершить дела, на которые были способны не многие и из царского дома.

– Зима слишком холодная, – незаметно появившись в комнате, произнёс Чавчавадзе. – Ираклий, ты искал меня?

– Да, мой друг! – вышел из своего задумчивого состояния царь.

– Что тебя тревожит?

– Этот холод неспроста. Остывает наша земля! Уже не найти в ней тех богатырей, которые ходили с одним ножом на барсов, готовые противостоять целой армии врагов. Нет их, сильных духом, ясных разумом, чистых душой. Кем я правлю? Где вы, грузины храброго Вахтанга – моего отца? Неужели все погибли в битвах, а ваши жёны не смогли воспитать правильно ваших детей?

– Зачем ты так говоришь, Ираклий? Неужели я не являю тебе пример любви к нашей любимой Картли-Кахетии?

– Картли-Кахетии... – задумчиво повторил Ираклий. – Ты, Герсеван, последний рыцарь не нашего обломка, громко названного царством, а той Великой Грузии. Именно поэтому ты и здесь. Больше мне не на кого положиться. Так или иначе, я вынужден в твои руки вложить судьбу страны и нашего народа. Русские разбили турок с той стороны Кубани. Османский паша собирает новую армию. Но не против русских. Его целью являемся мы. Когда идёт война где-то далеко, мы спокойны. Но когда дерутся у твоих дверей, не думай отсидеться – драка закончится в твоём доме. Удар по России для турок уже окончился серией поражений и потерей всего Северного Причерноморья. Поэтому туркам надо удержаться на берегах Чёрного моря любой ценой. Но пока под боком у них христианское государство, они будут чувствовать себя в опасности. Стало быть, турецкая армия очень скоро будет здесь – в Тифлисе. Мы не в силах сейчас противостоять ей. У нас нет для этого ни пушек, ни ружей, ни обученных вести современную войну людей. Одними полуголыми всадниками с шашками в руках турок не одолеть. Нам нужна защита. Собирайся, Герсеван! Ты отправляешься полномочным министром ко двору императрицы Екатерины в Россию. Пока я буду собирать Грузию воедино здесь, на Кавказе, ты должен быть моими ушами и глазами там, в Петербурге! Спокойствие наших земель во многом зависит от твоего ума. Я надеюсь на тебя, друг мой!

Шёл к концу 1782 год. Картли-кахетинский царь Ираклий II посредством князя Чавчавадзе обратился к императрице России Екатерине II с просьбой принять Грузию под покровительство России. Стремясь упрочить позиции России в Закавказье, Екатерина II предоставила Павлу Потёмкину широкие полномочия для заключения договора с царём Ираклием II. Уполномоченными с грузинской стороны были князья Иванэ Багратион-Мухранский и Герсеван Чавчавадзе.

История грузинско-российских связей имеет гораздо более глубокие корни, чем это может показаться вначале.

Первый зафиксированный летописцами контакт Руси и Грузии относится к 70-м годам XII века, когда фактически грузинским царём стал князь Юрий Андреевич, сын суздальского князя Андрея Боголюбского и внук великого Киевского князя Юрия Долгорукого, супруг царицы Тамары. Грузинский царь Георгий III, обеспокоенный тем, что у него не было сына-наследника, ещё при жизни сделал царицей свою дочь Тамару, наравне с которой правил и русский княжич.

Автор фундаментального труда «Присоединение Грузии к России», впервые вышедшего в 1901 году, З. Авалов писал: «В 1453 году³ загородили навсегда дорогу, ведущую из Грузии в единоверную Византию, а через неё – ко всей христианской Европе.

Грузия оказалась как бы замурованной в Передней Азии, отделённая от Запада стеной ислама, неизмеримо сильнейшего, часто беспощадного и фанатичного.

Именно в эту эпоху сложились две могущественные величины по соседству с Грузией – Персия и Турция, обе враждебные к последнему оплоту христианства в Азии и в то же время враждебные между собой».

По землям грузинских царств и княжеств прошли огнём и мечом арабы, монголы, турки, персы. Грузию изнуряли набегами горцы и отряды соседних ханств.

Единственным реальным союзником в христианском мире было Московское царство, а затем – Россия. «Сближение с последней, – пишет З. Авалов, – было догмой грузинской политики задолго до присоединения».

В XVI веке, когда казаки Ермака устремились за Урал, окончательно решая вопрос безопасности восточных границ Московского царства, неожиданное предложение поступило с южных рубежей преобразовывающегося территориально и внутренне государства. Следя за усилением северного соседа, кахетинский князь Леон в 1564 году обратился за покровительством к Ивану Грозному. Сделал он это, естественно, добровольно, не под давлением каких-то московских князей, а под давлением своих агрессивных соседей – персов и турок. Общей границы между Грузией и Московским царством тогда не существовало. Степи между Каспием и Чёрным морем контролировали кочевники и турки, с которыми шла перманентная война. Россия бы и рада была помочь, но, связанная проблемами освоения новых пространств и ведением постоянных войн с южными и западными соседями, была просто не в состоянии этого сделать. Но само стремление Грузии вступить в союзнические отношения с Россией и даже войти в её состав уже свидетельствовало о том, что грузины осознавали два важных фактора. Первый – на поверхность всплыли естественные симпатии к единоверному православному народу, и второй – геополитическое значение грузинской территории, которая в случае падения грузинского политического центра могла быстро исламизироваться.

Живым примером служила соседняя Великая Армения, которая после упадка своего могущества была разорвана на клочки, а православие не просто притеснялось, а жестоко преследовалось и искоренялось. Сам армянский народ в целях самозащиты нации вынужден был начать свои бесконечные скитания по миру. Опустевшие земли были заселены пришлыми племенами, исповедовавшими ислам, которые начали рассматривать коренных жителей-иноверцев исключительно как своих рабов. Принявшая знамя православия из рук умирающей Армении Грузия не могла позволить себе подобного. И вот уже несколько столетий этот островок Христовой веры держался исключительно на мужестве и отваге грузин, которые в очередной раз устремили свои взоры на север.

При Петре I одним из его любимых друзей и сподвижников был имеретинский царевич Александр. Ещё при жизни Петра царь Картли Вахтанг, свергнутый турками с престола, переселился в Россию со всем семейством по призыву Петра, не сумевшего в своё время помочь грузинской армии. Вместе с ним в Россию выехало свыше 100 грузин: царевичей, князей, воинов, духовных лиц.

Грузинский царь Арчил обратился к Петру I с просьбой помочь грузинской печати. «Царь Пётр велел немедленно отлить грузинские буквы для печати, и из Московской казенной типографии вышли первые печатные книги на грузинском языке. Потом русскими же мастерами и учителями заведена была типография и в столице Карталинии – Тифлисе»⁴.

³ Год падения Константинополя и окончательной гибели Византии.

⁴ Россия под скипетром Романовых. 1613–1913. Спб., 1912.

Регулярно повторявшиеся нашествия турок и персов, а также кровавые междоусобные стычки разрозненных грузинских княжеств привели к тому, что грузины, и без того малочисленные, были поставлены на грань физического исчезновения, в лучшем случае – ассимиляции с мусульманами Ирана, Турции и горских народов Кавказа. Царь Картли и Кахетии Ираклий II едва мог выставить десятитысячное войско, причём плохо вооружённое, совсем не обученное и не знавшее никакой дисциплины. Поэтому царь Ираклий II, зная и без того незавидное положение страны, обратился за помощью к России.

Спустя полгода был подписан Георгиевский трактат⁵, согласно которому грузинский царь Ираклий II признал над собой верховную власть Российской империи.

Это сейчас грузинскому народу внушается, что Георгиевский трактат – роковая ошибка добродушных грузинских правителей, доверившихся коварным русским императорам, что от северного соседа Грузия всегда получала лишь чёрную неблагодарность в ответ на добро, а затем лишилась каких-либо атрибутов суверенности... Но это неправда!

Современные люди, забывшие веру и Бога, забыли и то, почему Грузия столь отчаянно стремилась в объятия России. Ведь не русский посол приехал в Тифлис уговаривать грузин присоединиться к России. Это грузинские князья отправились в Петербург, буквально вымаливая Россию вмешаться во внутренние дела Грузии, жертвуя всем, в том числе и суверенитетом. На тот момент для православных грузин эта мера была вынужденной, иначе царства Кахетинское и Карталинское попали бы под пяту исламской Персии или Турции. Для набожных грузин подобная перспектива была хуже смерти. Например, соседние с Картли и Кахетией княжества Имеретия, Мингрелия и Гурия ежегодно платили туркам позорную дань: не только деньгами, но и «живым товаром», отправляя определённое число девушек. Правда, Картли и Кахетия такую же дань платили Персии. В первых же строках Георгиевского трактата отразилась вся суть исторически выверенных российско-грузинских отношений: «Во имя Бога всемогущего единого в Троице святой славимого. От давнего времени Всероссийская империя по единоверию с грузинскими народами служила защитой, помощью и убежищем тем народам и светлейшим владетелям их против угнетений, коим они от соседей своих подвержены были. Покровительство всероссийскими самодержцами царям грузинским, роду и подданным их даруемое, произвело ту зависимость последних от первых, которая наипаче оказывается из самого российско-императорского титула. Е.и.в., ныне благополучно царствующая, достаточным образом изъявила монаршее свое к сим народам благоволение и великодушный о благе их промысел сильными своими стараниями, приложенными о избавлении их от ига рабства и от поносной дани отроками и отроковицами, которую некоторые из сих народов давать обязаны были, и продолжением своего монаршего призрения ко владетелям оных...»

Ираклий, не окончив читать текст документа, который он едва ли не по букровке выверял вместе с Чавчавадзе, свернул свиток и отдал его своему верному князю.

– Дело сделано! – произнёс он. – Расскажи, Герсеван, как всё прошло?

– 18 июля, будучи уполномоченным вашего императорского величества вместе с генералом от левой руки князем Иваном Константиновичем Багратионом и архимандритом Гайосос, в сопровождении ещё 21 человека грузинских дворян и духовенства, мы прибыли в Георгиевскую крепость. Там нас уже ждали уполномоченные императрицы Екатерины II князь Григо-

⁵ Георгиевский трактат 1783 года – договор о покровительстве и верховной власти Российской империи с Картлийско-Кахетинским царством о переходе Грузии под протекторат России. Заключён 24 июля (4 августа) 1783 года в крепости Георгиевск. По договору царь Ираклий II признавал покровительство России и частично отказывался от самостоятельной внешней политики, обязываясь своими войсками служить российской императрице. Екатерина II со своей стороны выступала гарантом независимости и целостности территорий Картли-Кахетии. Грузии предоставлялась полная внутренняя самостоятельность. Стороны обменялись посланниками. Договор уравнивал в правах грузинских и русских дворян, духовенство и купечество. Особое значение имели 4 секретные статьи договора. По ним Россия обязалась защищать Грузию в случае войны, а при ведении мирных переговоров настаивать на возвращении Картлийско-Кахетинскому царству владений, издавна ему принадлежавших. Россия обязалась держать в Грузии два батальона пехоты и в случае войны увеличить число своих войск.

рий Потёмкин-Таврический и его брат генерал-поручик Павел Сергеевич Потёмкин. Неделю мы в спорах и взаимных уступках рождали текст нашей охранительной грамоты – Георгиевского трактата. Затем мы приступили непосредственно к переговорам. Я сообщил братьям Потёмкиным, что мне поручено объявить: царство Картли-Кахетия будет подчиняться всероссийскому императорскому престолу.

Георгиевский трактат принципиально отличался от всех существовавших до того российско-грузинских документов. Прежде грузинские цари подписывали «крестоцеловальные записи», а русские цари посылали «жалованные грамоты», но ни те, ни другие не определяли взаимные обязательства и точное разделение прав владельцев. На этот раз всё было по-другому.

Подписание этого трактата вызвало большую радость в Грузии, изнемогавшей от нападений внешних врагов и внутренних неурядиц.

– Герсеван, ты спас не только нас, но и весь наш народ. Я хочу наградить тебя. Прими это!

Царь Ираклий протянул министру грамоту. Чавчавадзе развернул её и прочёл: «Божией милостью дается сия грамота Вам, который, подобно предкам Вашим, оказываете нам великое усердие...»

Чавчавадзе взглянул на довольного своим решением Ираклия и прочёл в самом конце текста: «...в вознаграждение стольких услуг, Вами оказанных, пожаловали Мы Вам имения, коими владели Мы по смерти родственника Вашего, Иасонова сына – Уриатубаши, Зегали, в коих однофамильцы Ваши никакого участия не имеют».

– Благодарю, Ираклий! – произнёс Чавчавадзе, приближаясь к окну и всматриваясь вдалёк, как бы желая увидеть будущее своей страны. – Что я ещё могу сделать для народа?

– На основании пятого пункта трактата ты назначаешься полномочным министром Грузии при российском императорском дворе.

Выбор Ираклия II оказался верен. Чавчавадзе пробыл в российской столице вплоть до 1787 года, всё время находясь при князе Потёмкине.

Понимая, каким громадным влиянием пользовался при дворе его опекун, Чавчавадзе всегда старался приобрести его расположение и в своих донесениях Ираклию II уговаривал его сделать Потёмкина грузинским вассалом, подарив ему местность от Дарьяла до Ананура, местность по течению Арагвы, Хев до Мтиулета. Он исчислял все те выгоды, какие может извлечь Грузия в случае, если этот участок попадёт в руки столь именитого русского человека: Дарьял сделается крепостью и будет защитой от осетин, дорога станет безопасна, Ананур обратится в европейский город. Наконец, по секрету он будто бы передавал царю о желании князя Потёмкина жениться на 18-летней дочери Ираклия – Настасье.

Вовремя подписанный Георгиевский трактат буквально спас грузин как самодостаточную нацию. Русский солдат своим штыком отвёл исламскую угрозу. В соответствии с Георгиевским трактатом русские воинские подразделения в Грузии были впервые размещены в 1784 году «для сохранения владений Картлинских и Кахетинских от всякого прикосновения со стороны соседей и для подкрепления войск Его светлости Царя Ираклия II на оборону». В одной из статей договора, дававшего широкие полномочия грузинской знати и купечеству, было указано: «...Ея императорское величество обязуется содержать в областях его два полных батальона пехоты с четырьмя пушками». Таким образом, в случае войны стороны обязались совместными силами противостоять любому противнику. Благодаря такому решению после вышеупомянутого боя два батальона Бутырского полка – Белорусский, в котором служил наш герой – Павел Михайлович Карягин, и Горский – при двух пушках и двух единорогах были отправлены в Грузию по дороге, впоследствии названной Военно-Грузинской, построенной всего лишь за одно лето усилиями полутора тысяч солдат Селегинского мушкетёрского полка.

Памятуя об огромных трудностях с продовольствием корпуса Тотлебена, командование проявило осторожность и послало всего два батальона пехоты при двух пушках. Опасения в

целом оправдались: провиант опять запасён не был, отсутствовали казармы. Несмотря на договорённости, фактически никаких улучшений со стороны грузин на дороге между Моздоком и Тифлисом не было сделано. Войскам в течение шести недель пришлось буквально пробивать себе путь через Дарьяльское ущелье, причём ту половину пути, что строил Селегинский мушкетёрский полк, наши войска прошли всего за три дня. Наконец, преодолев Кавказский хребет, русские батальоны ступили на земли благословенной Грузии. К слову сказать, никакой Грузии как государства в те времена уже не существовало. Некогда грозное Грузинское царство пришло в упадок. А всё оттого, что грузинский царь Вахтанг, командующий кавалерией персидской армии, за шесть десятилетий до описываемых событий счёл себя достаточно независимым, чтобы разорвать отношения с Персией и вступить в военный союз с русским царём-единоверцем Петром I, который был занят подготовкой похода против персов. Отвечая чаяниям народа и пойдя поперёк мнения своей знати, грузинский царь Вахтанг покинул военный лагерь бывшей союзной Персии, воевавшей против Афганистана, и с сорокатысячной армией вернулся в Гянджу. Здесь грузинский царь-воин и вся его армия замерли в ожидании посольства от Петра I. Но случилось неожиданное: Пётр отложил поход. Желая отомстить Вахтангу, персы, не замедлив воспользоваться обстоятельствами, завязали узел интриг, в результате которых Грузия была разбита на мелкие княжества, а сам Вахтанг, лишённый престола, вынужден был искать убежища в России. Поэтому Ираклий II был царём лишь небольших удельных княжеств Картли и Кахетии, осколков некогда Великой Грузии, мерцавших отблеском былого величия в самом сердце разорённой страны. Ираклий искал поддержки у сильного северного соседа и, как только представился случай, инициировал сближение с Россией.

3 ноября 1783 года Павел Карягин в составе русского экспедиционного корпуса, состоящего из двух батальонов кубанских егерей при четырёх орудиях, под радостные приветствия грузинского народа въехал в столицу Картли-Кахетинского царства город Тифлис. Командовал егерями полковник Бурнашев. Как пишет историк Потто, день был ненастный, с холодным ветром и снежной вьюгой, и жители грузинской столицы говорили: «Это русские принесли нам свою зиму...»

Появление русских войск в Грузии переполошило всю Анатолию и Малую Азию. Это было событие, в котором суеверные мусульмане видели зловещий призрак близкого падения своего могущества. По Закавказью распространился слух о приближении русского флота к берегам восточной Грузии, вызвавший настоящую панику у турок и персов. Давние противники России не могли оставить в стороне такое знаковое событие. Помня историю Вахтанга, они, каждый по-своему, шестьдесят лет спустя решили наказать несговорчивого царя Ираклия таким же образом.

Тем временем ничего не подозревающий грузинский царь Ираклий II, любивший традиции и церемониалы, устроил целое представление по случаю принятия присяги на верность России. «На следующий день царь и весь грузинский народ должны были принести присягу на вечное подданство русской государыне, – пишет Потто. – С восходом солнца три залпа русской батареи, поставленной на площади, возвестили начало церемонии, и улицы Тифлиса покрылись массаами народа. В десять часов утра Ираклий, предшествуемый регалиями, торжественно вступил в Сионский собор и, войдя на приготовленный трон, возложил на себя царскую мантию. Придворные чины, державшие остальные регалии, разместились по сторонам трона, а на ступенях и у подножия его стали царские сыновья и внуки. Далее, по направлению к царским дверям, поставлены были два небольших столика, художественно отделанные слоновой костью и золотой инкрустацией; на одном из них, покрытом золотым глазетом, лежала ратифицированная грамота императрицы, а на другом, покрытом бархатом, – ратификация Ираклия. Сам католикос Грузии совершал богослужение. При первом возгласении имени русской императрицы загудели колокола во всех церквях Тифлиса, а с батареей Метехского замка грянул пушечный залп, потрясший массивные стены древнего собора. По окончании молебствия

совершился обмен ратификациями, а затем Ираклий, осенённый государственным знаменем и имея по сторонам себя русских полковников Тамару и Бурнашева, перед крестом и святым Евангелием произнёс присягу. Торжественный день завершился парадным обедом во дворце, на который были приглашены все находящиеся в Тифлисе русские офицеры. Музыка и пушечные выстрелы сопровождали пиршество. Народ ликовал на площадях и улицах, и в течение целого дня неумолкаемо гудел колокольный звон, стреляли пушки, лилось рекой кахетинское, а вечером весь город и окрестные горы были озарены роскошной иллюминацией...»

Турцию и Персию охватила паника. Год не успел окончиться, а эти государства потеряли огромные территории от днепровских порогов до закавказского Каспия. Россия не просто проявила себя как мощный соперник, с которым с этих пор нельзя было не считаться, но и как государство, готовое одерживать победы на многих фронтах одновременно при наличии минимальных сил. Мусульманским странам нужно было действовать, и первой нанесла удар по Грузии соседняя Персия, натравив на приграничные земли кровожадных лезгин. Всего два русских батальона егерей, оставшихся для прикрытия новых территорий, противостояли армии лезгин. Одной из егерских рот руководил Карягин, и в лесу у Алазани он проявил себя уже как полководец. Огонь его егерей, ворвавшихся в лес, вытеснил лезгин под картечь русских пушек, которые и довершили разгром горцев.

Зимняя вылазка лезгин уже в союзе с Турцией закончилась окончательным поражением этого горячего, неукротимого племени. Угнавшие 600 грузинских крестьян турецкие войска под прикрытием лезгинской кавалерии были настигнуты у деревни Хошурцы егерями, которые, зажав врага в тесном ущелье с отвесными скалами, отбили пленных. Спустя четыре часа боя 1300 тел турецких солдат и лезгин буквально завалили дорогу. Русские не потеряли ни одного человека. Последняя отчаянная попытка выбить русские егерские роты из Закавказья была предпринята лезгинами весной следующего года, но и она разбилась о частокол русских штыков. «Опыты храбрости наших войск, – писал по этому поводу Потёмкин к Бурнашëву, – должны послужить в доказательство царю и всем грузинам, сколь велико для них благополучие быть под щитом российского воинства».

Но эта радость была преждевременна. Положение Грузии после заключения трактата не просто не улучшилось, а стало просто отчаянным. Жители Казахской и Шамшадильской провинций, исповедующие ислам, являвшиеся ядром царского ополчения, переселились в соседние ханства или просто вышли из повиновения. Торговцы и ремесленники, по-своему видевшие выгоды Георгиевского трактата для себя, перебрались в более безопасные Моздок и Кизляр. Разбойный промысел принял такие масштабы, что движение купеческих караванов практически остановилось. Множество крестьян бежало из равнин в горные районы, где они могли хоть как-то надеяться на сохранение жизни и возможность прокормиться, не будучи ограбленными. Ханы, ранее находившиеся в вассальной зависимости от грузинского царя, демонстративно заявляли о своей независимости. В Азербайджане, Турции и Персии грузинских купцов стали грабить, убивать или продавать в рабство. Ираклию II с огромным трудом удалось собрать пятитысячное ополчение, боеспособность которого была ниже всякой критики. Не помогали самые крутые меры, вроде отрезания ушей у дезертиров. В результате отряды дагестанского владетеля Омар-хана почти беспрепятственно разоряли страну. Были разгромлены серебряные заводы, и царь остался вообще без всяких средств. Содержать войско оказалось не на что, нечем было откупаться от соседей. Дело дошло до того, что Павел Потёмкин сам «подарил» аварскому правителю Омар-хану в ноябре 1785 года тысячу червонцев и дорогую табакерку, чтобы «удержать его новое стремление на Грузию». Ничтожная численность войск в Закавказье и неопределённость в политике по отношению к Грузии заставляли русское командование впоследствии воздерживаться от активных действий против дагестанцев. Страх перед ними был столь велик, что мешал организовать разведку: люди боялись выби-

раться за стены укреплений. Пользуясь этим, противник огнём и мечом прошёл всю страну и удалился, уведя за собой сотни пленников.

На следующий год аварский хан Омар при поддержке лезгин вероломно вторгся на территорию Грузии и опустошил её. Один из самых укрепленных замков Вахань он взял хитростью, после чего вырезал поголовно всё население Вахани, а сам замок превратил в руины. Малочисленные русские войска без должной поддержки грузинской армии не успевали реагировать на все вызовы со стороны многочисленного противника. По просьбе царя Ираклия, посчитавшего, что именно присутствие русских регулярных войск вызвало новые набеги старых врагов, летом 1787 года Бурнашёв и его егеря покинули Грузию.

Россия между тем готовилась к очередной войне с Турцией, и новый театр военных действий должен был охватить всё побережье Чёрного моря. Намечающаяся война вновь заставила заняться реорганизацией армии и, следуя рекомендациям Потёмкина, Екатерина II издала указ о формировании новых стрелковых подразделений – егерских корпусов, которые должны были стать основной ударной силой в начавшейся войне.

Мушкетёры, игравшие всё меньшую роль в связи с отказом русской армии от линейной тактики, начали становиться обузой для армии нового порядка. В войсках ценились прежде всего егеря и гренадёры. Поэтому все – от командира роты до командующего корпуса – старались наполнить свои подразделения именно ими. Так что создание егерских корпусов, этого прообраза современного спецназа, стало логичным воплощением чаяний боевых командиров.

Егеря как особый вид пехоты в русской армии появились в результате изучения опыта Семилетней войны. В 1760 году был пленён прусский егерский батальон, оказавший отчаянное сопротивление и нанёсший немалый урон нашим войскам. Императрица Екатерина II, узнав об этом, повелела завести пехотные егерские команды «в трудных походах, в закрытых местах, на горах заменяя ими конницу». С этой целью в 25 мушкетёрских полках утверждены егерские команды, назначением в егеря по 5 человек от каждой гренадёрской и мушкетёрской роты. Для егерской службы предписано было выбирать рядовых ростом не больше 2 аршин 5 вершков⁶ «самого лучшего, проворного и здорового состояния». Полковая егерская команда в 60 человек рядовых при двух унтер-офицерах и барабанщике вверялась подпоручику «расторопному, склонному к строевым обращениям и к искусным военным применениям различностей, всякой ситуации и полезных по состоянию положений военных на них построений». И уже в 1765 году был сформирован Егерский корпус численностью 1650 человек, части которого были разбросаны по различным дивизиям. Особые требования предъявлялись к офицерам нового формирования. Командиры егерских команд выбирались из расторопных, обстрелянных в боях людей. Обмундирование и форма егерей отличалась отсутствием излишнего лоска, ярких и блестящих деталей. При подготовке егерей особое внимание уделялось их огневой подготовке, поэтому был принят целый ряд новых усовершенствований для обучения егерей стрельбе.

Получили егеря и новые, отличные от мушкетёров и гренадёр, укороченные фузеи, которые могли нормально заряжаться при ведении огня не только из положения стоя, но и с колена, чего не позволяла большая длина пехотных и драгунских ружей. За счёт этого нововведения повысились кучность огня и скорострельность егерских подразделений. При стрельбе от солдат, обучаемых поодиночке в капральстве, требовался «цельный приклад» и «скорый заряд», а не быстрая неточная стрельба. Штык на егерских фузелях был заменён на кортик, на штуцерах – тесаком. Для ведения снайперской стрельбы егерские унтер-офицеры и капралы, как наиболее подготовленные и опытные стрелки, получали штуцеры с дальностью эффективной стрельбы до 700 метров, что привело к появлению у егерей собственной тактики, своеобразного почерка егерских команд. В отличие от линейных частей подразделения егерей принимали строй в две шеренги и атаковали колоннами или в каре. Предписывалось приучать егерей к действиям в

⁶ Чуть более 1 метра 50 сантиметров.

горах и лесах. Командирам полка разрешалось посылать егерей для добычи в окрестных лесах дичи для всего подразделения. Таким образом, егеря мушкетёрских и гренадёрских полков знакомились с местностью, где квартировали или вели военные действия их подразделения, что позволяло им досконально изучать особенности рельефа, знакомиться с новыми условиями для ведения боевых действий.

Зимой егеря должны были проворно при полной выкладке с ружьём и амуницией передвигаться на лыжах, причем не по дорогам, а прямо через леса и поля. Егерям предписывалось докладывать «о всех ситуациях, и о всяких сквозь трудные места проходах и дорогах, что особенно важно в пограничных местах». На основе этой информации командирами полков разрабатывалась соответствующая тактика ведения боёв в незнакомой местности. Так егеря становились глазами и ушами русской армии.

Подобные выходившие за рамки уставов действия позволили егерским командам разработать и собственную тактику. Помимо наступления «через подразделение», чисто егерским приёмом стало действие рассыпным строем стрелков, поддерживаемых резервом. При необходимости стрелки выстраивались в две шеренги, а их место занимали егеря из резерва. В условиях пересечённой местности такая тактика оказалась наиболее эффективной. Так как при большой протяжённости цепи или рассыпного строя и при достаточной отдалённости передовых команд от резервов подача команд голосом была затруднена, все приказания офицеров дублировались музыкантами, что привело к появлению целой азбуки музыкальных сигналов.

Григорий Потёмкин систематизировал накопленный опыт действия егерских команд и издал «Инструкцию для обучения егерей», в которой описывались некоторые «хитрости» егерей. Так, егерям предлагалось научиться прикидываться убитыми, а также путать противника, ставя свою каску в стороне от себя. Егеря должны были уметь передвигаться ползком, стрелять и заряжать ружьё лежа. Для ближнего боя новые подразделения получили пистолеты. Каждый солдат был снабжён шнобзаком – мешком с запасом продовольствия на три дня. Заботясь об удобстве одежды, Потёмкин повелел поменять камзолы на кафтаны, шляпы – на каски, патронные сумки – на поясные патронташи, штиблеты – на сапоги с коротким голенищем. Цвет мундира и штанов для егерей оставался зелёным, а перевязи, патронташи, портупей были из чёрной кожи. Практичность в вопросах выбора цвета для обмундирования и амуниции привела к тому, что в русской армии впервые в мире появилась камуфляжная форма, хорошо маскировавшая солдат в полевых условиях. И форма эта принадлежала егерям. Вскоре егерские подразделения стали наиболее обеспеченными и боеспособными подразделениями русской армии.

По верному замечанию военного историка П. О. Бобровского, когда прусский император Фридрих II до самой своей смерти в 1786 году с недоверием, близким к презрению, относился к развитию стрелкового вооружения и сохранил в своей армии не более 1650 егерей, когда во Франции под влиянием войны за независимость североамериканских штатов между представителями сухопутных подразделений велась горячая полемика о судьбе линейной тактики, в это самое время в России уже на практике был решён вопрос о преимуществе меткого стрелкового огня, поддерживаемого штыковым ударом сомкнутых линейных подразделений.

Александр Васильевич Суворов, слова которого «пуля-дура, штык-молодец» были превратно истолкованы, на деле внедрил те новейшие тактические принципы, которые легли в основу построения наполеоновского боевого порядка. Штыковому удару русских гренадёр и мушкетёров в действиях Суворова предшествовало обстреливание неприятеля егерями. Причём полководец уделял огневой поддержке пехоты столь пристальное внимание, что при недостатке егерей обязывал командиров мушкетёров и гренадёр выделять из их подразделений самых метких и умеющих обращаться с ружьём стрелков и передавать их егерским командам. При Суворове впервые была применена тактика огневой поддержки пехоты непосредственно во время наступления. Егеря и мушкетёры своим огнём не давали поднять головы противнику и позволяли линейным подразделениям вступить в штыковой бой при наименьших потерях.

А уж о русском штыковом бое ходили целые легенды. Никто не мог устоять против суворовских чудо-богатырей, ударивших в штыки. В обороне егеря становились в арьергарде и своим огнём сдерживали преследование армии неприятелем, позволяя основным подразделениям оторваться от преследования.

Павел Карягин гордился тем, что ему выпало служить именно в егерских подразделениях. После выведения из Грузии батальон молодого поручика немедленно отошёл за Терскую пограничную линию, где был переименован в Четвёртый батальон свежесформированного Кубанского егерского корпуса и переброшен на новый театр военных действий.

Как давно это было... Казалось, целая жизнь прошла с тех пор. И вот сейчас уже в чине майора Карягин вернулся в знакомые места. Живому уму командира не давали покоя многие вопросы. Жив ли грузинский царь Ираклий? Что сейчас творится с той стороны исполинского Кавказского хребта? Как встретят их, русских солдат, закавказские горцы? Куда и с какой задачей будут посланы полки? Но самый главный вопрос заключался в выборе и разработке новой тактики ведения боёв в условиях отрыва от продовольственных и оружейных баз.

В палатке Карягина велся оживлённый спор по будущей тактике военных действий в Закавказье. Достигший своего апогея спор уже потерял шансы вылиться в принятие рациональных решений, и рассудительный хозяин палатки покинул её. До его слуха донёсся солдатский разговор. Недалеко от палатки у костра седоусый егерь Гаврила Сидоров, или Сёмыч, как его за глаза величали солдаты, с упоением рассказывал о своём отважном командире:

– Познакомились мы с Павлом Михайловичем в 1788 году на Тамани. Тогда шла война за Тавриду, и наш егерский батальон был переведён на Кубань, чтобы отвлечь турка от войск его светлости князя Потёмкина. Для этого он отдал приказ генерал-аншефу Петру Абрамовичу Текели⁷ овладеть турецкими крепостями Анапа и Суджук-кале. Для нас, только что прибывших на Кубань, задача оказалась трудной, ведь ни численности противника, ни плана крепостей мы не знали. Как только перешли реку, стали подвергаться постоянному нападению горцев. Горец самым сложным врагом для нашей армии оказался. Днём он скрывался в лесах, где отсыпался, чтобы напасть ночью. Мы же, не имея возможности отдохнуть днём, не могли себе позволить расслабиться и ночью.

Наконец 25 октября мы подошли под стены Анапы. Командовал нашим егерским батальоном полковник Герман. Нашей роте был дан приказ разведать подходы к крепости. Но едва мы отошли от наших позиций на один пушечный выстрел, как по нам ударила вся крепостная артиллерия Анапы. Выстрелы пушек были сигналом к нападению для засевших в засадах горцев. Едва мы успели перестроиться в каре, как на фланги обрушились горские всадники. Завязался бой. Чтобы переломить его в свою пользу, турки вывели из крепости несколько батальонов линейной пехоты и ударили во фронт. К вечеру противник оттеснил нас к Кучугурам, где в течение всей ночи нам приходилось сдерживать атаки врага. Под покровом ночи по приказу Текели мы снялись с позиций и на следующий день отошли за реку Кубань. Это была первая попытка овладеть Анапой. С ходу крепость взять не удалось, но зато теперь мы знали силы противника.

Вторая попытка взятия Анапы связана со сменой командующего. В начале 1790 года командование Кавказским корпусом принял на себя генерал-поручик Юрий Богданович Бибииков. Человек скверный, самодур и деспот, он не любил солдат и считал своё новое назначение на Кавказ ссылкой. Его самоуправство доходило до того, что на касках было приказано носить его родовой герб вместо императорского орла. Честолюбивый Бибииков решил прославиться и двинул весь семитысячный Кавказский корпус в очередной раз к Анапе. Выбор времени года

⁷ *Пётр Абрамович Текели* (1720–1793) – генерал-аншеф, участник Семилетней войны, Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., сумевший усмирить Запорожскую Сечь без единого выстрела. По его рекомендации запорожским казакам были дарованы земли на Кубани, и они получили статус иррегулярных войск российской армии.

был самым неудачным – в начале февраля трещали морозы, а армия выступила совершенно не подготовленная, без обозов и фуража. Бибиков надеялся пополнить припасы в отбитой крепости. Едва мы двинулись с места, как погода, предчувствуя неудачу, стала строить препоны: морозы сменились оттепелью и холодными, пронизывающими дождями, затем опять ударили морозы, и снежные бураны пожали свою кровавую жатву.

В этих сложных условиях, то по колено в грязи, то по свежим сугробам, практически не имея запаса провианта и фуража, к тому же постоянно отбивая атаки мелких отрядов горцев, к 1 апреля наш значительно поредевший отряд, измученный 42-дневным переходом, вышел к стенам крепости Анапы.

Настоящая трагедия произошла на следующий день. Ночью ударил сильнейший мороз, разыгралась снежная метель. Более двух сотен измученных лошадей замёрзли. Стоя замерзали и солдаты. Когда был отдан приказ на штурм, много обледеневших человеческих фигур так и осталось стоять на месте, откуда двинулись в наступление наши роты. Едва подразделения сделали первый десяток шагов, как по нам традиционно ударила крепостная артиллерия, и вышедшие из крепости турки ринулись в бой. Мы заняли линейное построение, и тут нам в спину ударили горцы. Всё повторилось, как и в прошлый раз. Казалось, исход боя предreshён. Нам, голодным и замёрзшим, под свинцовым дождём, кроме смерти, уже и ждать было нечего, как вдруг наш командир Карягин приказал двум тыловым шеренгам встать спиной к основному строю и ударить в штыки. Удар был такой силы, что горцы от неожиданности растерялись и стали отходить. Окрылённые успехом, русские батальоны перешли в штыковую атаку по всему фронту и, едва не войдя на плечах противника в крепостные ворота, полезли на стены Анапы. Отсутствие штурмовых лестниц стало тем решающим препятствием, о котором разбилась эта неподготовленная честолюбивым и бестолковым Бибиковым победа Кавказского корпуса. Провал под Анапой едва не превратился в катастрофу, когда отступавшие под шквальным картечным огнём остатки русской армии подверглись повторному нападению оправившихся от штыкового удара горцев. Только умелые действия пехотных батальонов майора Верёвкина и артиллерийской батареи под командованием майора Афросимова, которые сумели отразить натиск горцев, позволили основным нашим силам укрыться в лагере.

Целых три дня, под непрекращающимся огнём врага, Бибиков думал о том, как же поступить дальше. На военном совете он единственный выразил желание продолжить штурм. Остальные офицеры были против. Начался многотрудный и тяжёлый отход. Нас, егерей, поставили в охранение потрёпанного корпуса, которому горцы не давали покоя ни днём, ни ночью. Наши мужественные солдаты сумели отбить все попытки разгрома остатков русских сил, когда самый страшный враг – голод – начал косить солдат как траву. Мы питались кореньями и лошадьми. За армией оставалась перепаханная мёрзлая земля, усеянная конскими костями и телами наших солдат в серых шинелях. В этом страшном походе корпус потерял более половины численного состава. За этот поход все выжившие от солдата до офицера были награждены особой серебряной медалью «За верность», а Бибиков был отстранён от командования и предстал перед военным судом.

Очередная смена начальства привела ко многим изменениям. Новый генерал-аншеф Иван Васильевич Гудович приступил ещё с зимы к подготовке вверенных ему войск и через два месяца разработал новый план генерального штурма Анапы. Пополнение готовилось в двух лагерях: к кубанскому пограничному посту Темижбек стягивали части Кавказского корпуса; к Ейскому укреплению на азовском побережье шли войска Кубанского корпуса под командованием генерал-майора Загряжского. Прибыли новые пушки, но Гудович требовал ещё. По получении очередной артиллерийской батареи его требования возобновлялись. Из нашего Кавказского егерского корпуса выделили три батальона отлично подготовленных и закалённых в боях стрелков. К концу весны приготовления закончились. 22 мая части Кавказского корпуса подошли к Талызинской переправе, через два дня к нам присоединились войска Кубанского

корпуса. Сразу начали возводить понтонную переправу и полевое предместное укрепление на случай нападения врага. По пути к Талызинской переправе Гудович оставлял небольшие гарнизоны в укрепленных постах и редутах, чтобы обезопасить тылы и дороги. Только по дороге к Ейскому укреплению построили шесть земляных редутов. В одном переходе от Анапы к основным нашим силам присоединился отряд из Таврического корпуса генерал-майора Шица. Его солдаты привезли с собой 90 штурмовых лестниц.

Обновленный русский корпус в 12 тысяч человек, огромный обоз, рассчитанный на три месяца непрерывных боёв, и большое количество пушек подошли под стены Анапы 9 июня 1791 года. Первоначальный план многодневной осады был отвергнут командующим, когда тот узнал о приближении большого турецкого флота, идущего на помощь гарнизону крепости. Турки значительно укрепили крепость к приходу наших войск. Обновили и углубили ров, мощный крепостной вал, упирившийся концами в море, усилили палисадом. По нашим сведениям, Анапу защищало десять тысяч турок при 95 пушках и мортирах, кроме того, пятнадцать тысяч черкесов и татар. Наши силы были значительно меньше, даже после объединения с генерал-майорами Загряжским и Шицем – 18 батальонов пехоты, 1900 егерей, 54 эскадрона драгун, 2 полка казаков и 50 орудий полевой артиллерии.

Гудович отрезал крепость от гор, чтобы ей не пришли на помощь горцы и не ударили по нашей армии с тыла. Левый фланг русской армии он расположил так, чтобы перерезать дорогу к крепости Суджук-Кале и в случае выхода гарнизона из неё быть готовым отразить нападение и не дать прорваться к Анапе. Основные силы встали на левом берегу реки Бугру, отряд Шица – на правом берегу. В ночь на 13 июня поставили первую осадную батарею. Егерская рота Карягина входила в состав охранения этой батареи. Всего нас было двести егерей под общим командованием Загряжского. Утром турки открыли сильную пальбу и выслали полторы тысячи человек войска, чтобы разрушить батарею. Наши егерские команды встретили противника дружным залпом, а затем ударили в штыки. Турецкий отряд был опрокинут и в панике бежал. Отважные егеря преследовали врага до ворот крепости. Через три дня были выстроены все пять осадных батарей, и мы изготовились к генеральному штурму. В этот день началась бомбардировка крепости, и уже к вечеру дворец пашы и провиантские магазины пылали. К утру огонь перебросился на жилые кварталы. Наши артиллеристы оказались большими молодцами – за ночь они разгромили практически все батареи города.

Гарнизон турецкой крепости пал духом. Во избежание кровопролития Гудович предложил почётную капитуляцию с выходом из Анапы всех турецких войск. Мустафа-паша был готов капитулировать, но против этого выступил шейх Мансур, который заявил, что скорее пересохнет Чёрное море, чем русская нога ступит на стену Анапы.

Иван Гудович был рискованным генералом: штурмовать крепость при вдвое меньшем войске, да ещё с черкесами, засевшими в лесах с тылу, мог отважиться только уверенный в русском солдате человек. И мы не подвели генерала...

Никто и не заметил, как к костру подошёл Павел Карягин, командир Гаврилы Сидорова, и беззвучно встал за спиной солдат. Карягину показалось, что наступил момент более подробно пояснить тактику штурма, чтобы молодые егеря на примере Анапы поняли, что и малыми силами при правильной организации можно одолеть противника:

– Сёмыч, – обратился Карягин к старому солдату, – разреши, я добавлю подробностей в твой живописный рассказ.

Он взял прутик и прямо на земле нарисовал план штурма Анапы, комментируя расположение каждого прямоугольника, означавшего русские штурмовые колонны:

– Главный удар Гудович решил нанести по юго-восточной части крепостной стены. Всего было сформировано пять ударных колонн. Четыре основные колонны по 500 человек в каждой должны были нанести удар в южной части крепости, общее командование ими осуществляли генерал-майоры Булгаков и Депрерадович. Позади этих колонн Гудович разместил резервы,

которые должны были усилить колонны в случае провала первого штурма или использоваться для развития успеха. Был и общий резерв под командованием бригадира Поликарпова. Его предполагалось посылать в самые критические места боя в любом из направлений. Пятая штурмовая колонна из тысячи трёхсот человек под командованием полковника Апраксина должна была совершить отвлекающий манёвр с задачей прорваться в город вдоль побережья моря. Осторожный Гудович выделил специальный и довольно многочисленный отряд из четырёх тысяч стрелков и драгун под командованием Загряжского для защиты штурмующих с тыла от набегов горцев. Походный вагенбург⁸ охраняли три сотни стрелков при семи пушках. В результате в самом штурме приняли участие не более шести с половиной тысяч человек из двенадцати тысяч русского войска.

Ровно в полночь с 21 на 22 июня 1791 года рёв русских орудий разбудил спящие кварталы Анапы. Воспользовавшись переполохом в стане врага и гулом пушек, мы всё ближе подползали к городским стенам. Неожиданно стрельба прекратилась. Турки постепенно успокоились, оставив на стенах только караульных и орудийные расчёты. Турецкое командование, вероятно, не ждало, что наши войска в ближайшее время пойдут на штурм: за стенами не было выставлено даже дозоров. Только перед главными воротами организовали засаду из 200 человек. Но даже здесь турки вели себя беспечно. Когда они легли спать, я отдал приказ своим егерям по возможности бесшумно уничтожить засаду. Мы как ночные тени беззвучно подкрались к ним и в одно мгновение без единого выстрела всех перекололи.

Утром после очередного обстрела из пушек, без противодействия со стороны турок благодаря моим славным егерям, наши колонны преодолели крепостной вал и пошли на приступ. Пять русских колонн, как морские волны, накатили на крепостные стены. Наш 4 батальон Егерского корпуса, изготовившись к штурму, встал в третьей колонне. Я возглавил передовую егерскую роту.

Первой на вал, а затем и в крепостные стены, ворвалась колонна под командованием полковника Чемоданова. На стенах завязался кровавый бой, и вскоре были захвачены турецкие батареи. Сам полковник Чемоданов получил три ранения и сдал командование подполковнику Лебедеву, который привёл подкрепление.

Затем на вал пробилась вторая штурмовая колонна полковника Муханова, состоявшая из спешенных драгун. Драгуны захватили вражескую батарею и с приходом подкрепления захватили еще один участок вала, шаг за шагом отвоёвывая укрепление. Затем они спустились в город и завязали бой в самой Анапе.

Самая тяжёлая ситуация сложилась на участке нашей третьей штурмовой колонны. Ею командовал тогда полковник Келлер. Нам досталось самое сильное вражеское укрепление – бастион у средних городских ворот. Мы не сумели ворваться на вал с ходу и понесли большие потери. Келлер был тяжело ранен, его сменил нашего полка майор Верёвкин, который привёл подкрепление. Егеря дрались бесстрашно. Теряя товарищей, мы становились злее и пугали турка уже одним своим видом. Наконец-то и нашей колонне удалось взобраться на стены крепости...

Карягин замолчал и погрузился в воспоминания. Судя по всему, он вновь и вновь переживал это знаковое сражение. *Минуту* спустя он так же беззвучно исчез, как и появился. Сёмьч оглянулся, словно пытаясь что-то уточнить у командира, но, не найдя его глазами, продолжил прерванный рассказ:

– В этом бою нашего Павла Михайловича ранило. «К воротам!» – только и успел крикнуть командир, когда турецкая пуля прошила его насквозь. Мы открыли городские ворота всего через два часа после начала штурма, как раз в тот момент, когда конные драгуны прорва-

⁸ Передвижное полевое укрепление. Выстраивается из обозных повозок, расположенных квадратом, и присыпается землёй из выкопанного перед вагенбургом рва.

лись к ним с другой стороны. Турки окружили спешившихся драгун на центральной площади города. Мы видели это, но, сами связанные боем, не могли помочь им. И вдруг, как ветер с поля, в лихой атаке прорубая дорогу к гибнущим драгунам, в город влетели казаки. За ними вошла пятая колонна наших войск. Очищая улицы от противника, она дошла до самого моря. Участь Анапы была решена. Утром в наши руки попали сам Мустафа-паша, шейх Мансур – главный разжигатель всех междоусобиц на Кавказе – и ещё тринадцать тысяч турецкого войска. Однако и мы заплатили высокую цену – более двух тысяч русских солдат сложили головы у стен турецкой крепости. Нашего раненого командира я после вытащил из-под мёртвых тел. Лекарь и не надеялся, что он окажется таким живучим. За заслуги при взятии крепости Анапа наш Павел Михайлович был пожалован в майоры.

А через два дня к стенам крепости подошёл турецкий флот. Гудович устроил засаду, и нашим егерям даже удалось захватить одно судно, которое первым подошло к берегу. Турки узнали о падении крепости по сотням трупов, плававшим в воде. Это были люди, которые *утопили* во время бегства или были брошены нами в море мёртвыми, поскольку такое огромное количество убитых мы просто не могли захоронить. Турки запаниковали. Экипажи и солдаты десанта отказывались идти в бой. Турецкий командующий хотел бомбардировать Анапу и, по возможности, высадить десант. Но командиры судов отказались ему подчиняться. Вскоре он был вынужден увести корабли в открытое море.

Крепость Анапу мы разобрали по камешку, как это делалось со всеми турецкими крепостями. После этого нас вновь отвели за Кубань. Хоть и пролили мы русскую кровушку, а крепость пришлось вернуть турку⁹.

Однако долго мы на месте не стояли...

⁹ Согласно условиям Ясского мирного договора между Турцией и Россией крепость Анапа была оставлена русскими войсками и возвращена Турции.

Глава 2

Слёзы Кавказа

*Я у себя не находил
Не только милых душ – могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я как жил, в земле чуждой
Умру рабом и сиротой.*

М. Ю. Лермонтов, «Мцыри»

По периметру лагеря послышался шумные оклики часовых. В мгновение ока всё внутри лагеря пришло в движение. Знавшие особенности войны на Кавказе старослужащие егеря и мушкетёры выхватывали своё оружие из пирамид и умелыми, отточенными за годы армейской жизни движениями зарядили ружья. Проворнее их управлялись со своими штуцерами только унтер-офицеры. Несмотря на молодость, они знали, что от точности их огня во многом зависит ход боя. Молодые солдаты, кто спросонья в панталонах, а кто и вовсе в исподнем, разбирали ружейные пирамиды и догоняли своих старших сослуживцев, накидывая на ходу кафтаны и опоясывая их патронташами. Гаврила Сидоров знал не понаслышке, чем грозит такое оживление в лагере. Не иначе как нападение горцев! Молодцы часовые, вовремя подняли тревогу. Самое время открыть огонь. Рассказ о подвигах полка так и остался недосказанным. Гаврила Семёнович в числе первых мчался в сторону, откуда доносилась возня.

Неожиданно дорогу ему перебежал молоденький мушкетёр – тот самый кубанец, который утром сетовал на тягости службы.

– Куды тебя чёрт несёт? – выругался старый егерь, едва не налетев на резвого юношу.

– Кто там – горцы? – выставив перед собой ружьё с примкнутым штыком, спросил на ходу мальчишка-солдат.

– Может, и горцы. ... А я погляжу, ты уже в штыковую атаку пошёл? Без порток ты одним своим видом басурманина распугаешь!

Молодой мушкетёр, не обращая внимания на колкости Сёмыча, только и ответил:

– Так ведь некогда было!

Невдалеке раздался выстрел, затем ещё один.

– Всё вам, молодым, некогда! – пробурчал егерь, но тут же переключил внимание на унтер-офицера, бежавшего ему навстречу. Ствол его штуцера ещё дымился.

– Что за шум, ваше благородие?

Сержант с сильным малороссийским акцентом произнёс:

– Да, вот, словили шпиона.

Чтобы добежать до пикета, поставившего на уши весь полк, понадобилось ещё несколько минут. У ног караульного на корточках в молитвенной позе сидел человек. Отблески костра позволяли разглядеть виновника вечернего переполоха. Лицо его было обезображено шрамами от хлыста. Запёкшаяся на подбородке кровь и грязная одежда красноречиво свидетельствовали

о побоях, которые, казалось, он только недавно перенёс. Сержант, поднявший тревогу, имел не менее живописный вид. Его окровавленное лицо и мундир, пришедший в полную негодность, казалось, олицетворяли весь ужас войны. Пока Сёмыч разглядывал незнакомца и молодого сержанта, за его спиной выросло ещё несколько фигур.

– Что здесь произошло? – раздался громкий повелительный голос.

Оглянувшись, старый солдат увидел перед собой высокого подтянутого мужчину в треуголке, из-под которой двумя острыми клинками торчали рыжие бакенбарды. Серый плащ скрывал офицерские эполеты, но даже в тёмной ногайской ночи старый егерь узнал недавно появившегося в полку 33-летнего подполковника Ивана Петрович Лазарева. Гаврила Сидоров сделал шаг в сторону. Подполковник посмотрел на штуцерника, который переполошил лагерь. Юноша, почувствовав на себе пристальный взгляд, приставил к ноге ружьё и выпалил:

– Сержант Котляревский! Караульный...

– Вижу, сынок! – голос командир стал мягче, в уголках глаз появились складки, похожие на улыбку.

Быстро оценив ситуацию, Лазарев, взяв из рук караульного ружьё, спокойно произнёс:

– Рассказывай, что натворил?

К месту происшествия начали стягиваться егеря и мушкетёры. Скоро они заполнили весь восточный фас лагеря. Чтобы успокоить солдат, генерал отдал приказ командирам рот развести солдат по палаткам и обеспечить покой в лагере. Когда солдаты начали расходиться, сержант Котляревский доложил о происшествии:

– Я стоял на посту, когда увидел две тени на лошадях. «Ну, – думаю, – горцы решили устроить ночную атаку на лагерь!» Крикнув «Тревога!», я выстрелил, убив одного из всадников наповал. Второй остановился от меня в двадцати шагах. Отсоединить от штуцера тесак я уже не успевал. Всадник замахнулся на меня саблей, но я бросился в ноги коню и пронзил тесаком, пристёгнутым к ружью, грудь животного. Всадник соскочил с падающей лошади и готов был нанести мне смертельный удар саблей, но выстрел сержанта Лисаневича, заступившего со мной в караул, отвернул его от этого намерения. Впрочем, выстрел был настолько точен, что сей горец больше не может иметь желаний. Лисаневич прострелил ему голову.

В третьем егерском батальоне Бакунина служили братья-близнецы Василий и Дмитрий Лисаневичи. Поступили они на службу в 1793 году. За три года оба дослужились до сержантов. Василий – горячая голова, вечно лез на рожон, был честолюбив, мечтал стать генералом. Дмитрий был более рассудителен, служил спокойно, и слава сама догоняла его. Братья Лисаневичи были из дворян Воронежского наместничества, Калитвянской округи. Отец их владел пожалованной императрицей Екатериной усадьбой в Саприной слободе. Однако имение отца лишь так называлось. Не имея за собой душ, Тихон Лисаневич вёл жизнь скромную, но жалования хватало лишь на покупку сукна для одежд многочисленного семейства да пары обуви к празднику для одного из детей. Старый вояка, получивший дворянский титул за Дунайские походы, по инвалидности был отчислен и выехал в дарованное императрицей имение, представлявшее собой заброшенный дом погибшего гренадёра, не оставившего после себя потомства. Но о Тихоне Лисаневиче не забыли ни Потёмкин, ни Суворов. Все его отпрыски по мужской линии по достижении соответствующего возраста сразу поступали на службу. Дмитрий и Василий службой были довольны. Несли её бодро, а из двух рублей общего жалования по рублю раз в месяц отсылали отцу и матери.

– Кто, Васька или Дмитрий, отличился? – поинтересовался Лазарев.

– Господь их знает! Поди отличи! Оба отзываются, какое бы из их имён ни произносили при них!

– А это кто? – Лазарев указал взглядом на распростёртого у его ног человека.

– Не могу знать, ваше высокоблагородие! – разведя руками, ответил Котляревский. – То ли пленник, то ли шпион. Был привязан к седлу одной из горских лошадей.

– Это кто ж шпионов к седлу привязывает? Ладно, разберёмся! – произнёс Лазарев. – А где этот солдат, меткий стрелок, спасший тебе жизнь? Как, говоришь, его зовут?

– Сержант Лисаневич. Звать Дмитрий... Наверное...

– Позови-ка его сюда.

Котляревский шмыгнул в темноту. Тем временем подполковник Лазарев присел на корточки рядом с окровавленным человеком и, взяв его за плечи, заставил подняться. Будучи от природы добрым и чутким, Иван Петрович не мог спокойно смотреть на человеческие страдания.

– Ты кто? – глядя в воспалённые глаза незнакомца, спросил Лазарев.

По щекам человека потекли слёзы. Он поднял голову, и взгляд подполковника встретился с тяжёлым взглядом много познавшего на своём веку. При этом незнакомец вряд ли был старше двадцати лет, но невзгоды уже легли на смуглое лицо бороздами первых, ещё не глубоких, морщин. Несмотря на жалкий вид, красочная одежда юноши выдавала в нём именитого гражданина. Цветастый шёлковый шапик¹⁰, широкие шаровары шалвар ярко-синего цвета, длинная темная шерстяная чуха¹¹ с откидными, свисающими с плеч рукавами, подпоясанная богатым хонджаном¹² с двумя золотистыми кистями, и сапоги на толстой подошве и высоких каблуках с острыми, загнутыми вверх носками ярко свидетельствовали о знатном происхождении. Лазарев пригляделся к его одеянию и безошибочно установил его принадлежность к армянам. Неожиданно разжав кулак, окровавленный человек протянул русскому подполковнику крестик, кивком предлагая взять его.

– Спаси тебя Господи! – принимая из рук армянина крестик, произнёс Лазарев.

Перекрестившись, подполковник надел его на шею и, согласно традиции, расцеловал плачущего армянина. Иван Петрович несколько успокоился, понимая, что армянин не лазутчик, а просто несчастный человек, волею судьбы попавший в их лагерь. За годы службы на Кавказе он прекрасно знал, что мусульманин не осквернит себя тем, что возьмёт в руки крест. Поэтому знакомство такого рода было самым лучшим залогом добрых чувств незнакомца.

– Цагавори Иракли! – выдал из себя армянин.

– Тебя зовут Цагавори Иракли? – спросил Лазарев, ткнув в грудь пальцем армянина.

Тот отрицательно покачал головой. Высоко подняв указательный палец вверх, армянин с придыханием почтительно повторил фразу и указал на крестик.

– Он говорит, что этот крестик вам передал сам картли-кахетинский царь Ираклий, – послышался голос майора Карягина, прибежавшего на шум. – Этот армянин, видимо, жил в Тифлисе и может многое поведать о нынешней ситуации с той стороны Кавказского хребта. Я однажды там уже бывал. Незыблемы только горы, но ни грозного некогда Грузинского царства, ни Великой Армении более нет на картах. Затем нас сюда и прислали, Иван Петрович, чтобы наших братьев по вере защитить.

Армянин с удивлением взглянул на майора Карягина, когда тот вышел из темноты. На мгновенье их взгляды встретились. Карягин прищурил глаза, что-то припоминая. Затем на его лице расцвела улыбка, и, обратившись к Лазареву, майор произнёс:

– Иван Петрович, а ведь этот человек – просто подарок судьбы!

– Извольте объясниться, любезнейший Павел Михайлович! – застыл в недоумении Лазарев. – Неужто вы знакомы?

¹⁰ Цветная рубашка с низким воротом и боковой застёжкой из тёмной шерсти или хлопка, обычно синего цвета, с широким подрубным швом на талии.

¹¹ Тип черкески.

¹² Тканая узорчатая и довольно плотная тесьма шириной примерно 2 сантиметра с кистями на концах, застегивавшаяся спереди.

– Конечно! – ответил довольный таким оборотом дела Карягин. – Я помню это родимое пятнышко на виске. Правда, когда-то оно было гораздо меньше. Хотелось бы верить, что это не простое совпадение и что я не ошибся.

Затем он подошёл ещё ближе к армянину и спросил его:

– Как тебя зовут?

– Юзбаши Иванэ Атабекян из Касапета¹³. Сын управляющего Джарбедского мелика¹⁴.

– Малыш Вани?

– Так меня звал мой отец! Когда русские войска вошли в наше селение, один русский офицер взял меня на руки и прижал к себе, когда я поднёс ему молодого вина, как велел мой отец. Я запустил руку в пушистую опушку егерской каски. Чёрная кожа каски блестела, мягкий мех согревал мои замёрзшие руки. Офицера отец позвал к себе в дом. Он оказал нам великую честь, согласившись поселиться на зиму. Фамилия его была странная. Никто не мог произнести её, и мы называли его Кара-Гази¹⁵.

Карягин сделал шаг вперёд. Пламя костра осветило его лицо. Черты его скуластого лица в бликах огня казались ещё острее, на лихо закрученных усах появилась седина, но взгляд смеющихся и полных молодецкого задора глаз остался всё так же острым и пронизательным. Взгляд армянского юноши замер на егерской каске. Карягин снял её и протянул Вани.

– Старую потерял в деле при Анапе, – как бы оправдываясь, произнёс майор. – Столько лет прошло! А я тебя узнал, друг ты мой ситный! Ну, вспомни, кто тебя русскому языку учил, мальчик? Неужели забыл за десять годков? Майор Карягин и сейчас к твоим услугам, малыш Вани! Хотя, пожалуй, уже не малыш, а юзбаши Вани!

Мальчишка, приняв каску из рук егеря и ещё раз взглянув на Карягина, с рыданиями бросился к нему на грудь.

– Зачем вы ушли? Зачем покинули нас? – только и слышалось сквозь рыдания. – Кара-Гази? – не веря своим глазам, произнёс молодой армянин, осматривая Карягина с разных сторон. – Ты пришёл защитить нас, как и тогда? Зачем ты покинул нас? Когда вернёшься?

– Успокойся, Вани! Ты ведь уже не тот маленький мальчик, которого я помню, а настоящий мужчина!

Вани тут же привёл себя в порядок и вытер слёзы.

– Скоро мы вернёмся к вам, Вани, скоро! – Карягин похлопал по плечу армянина и, обращаясь к Лазареву, произнёс:

– Разрешите представить вам лучшего из княжеского рода Атабекянов Вани Юзбаши, сына правителя Джаберда, что в Карабахе.

– Вы – князь? – искренне удивился Лазарев. – Тогда позвольте спросить, почему вы в таком потрёпанном виде и что здесь делаете?

– Действительно, Вани, почему ты здесь, а не рядом со своей милой матерью Антарам?

– Плачут горы Армении, плачут долины Грузии. От Арарата до Казбека, от Ленкорани до Гори умывается слезами земля наша. Ты, Кара-Гази, спрашиваешь, где моя милая мать Антарам? Где её дети? Она и мой младший брат мучениками стали во имя веры! Они растворились в холодных водах Куры! Где ты, мой Бог, был, когда моего семимесячного братишку сбросили с моста за то, что мать его не отступила от веры христианской? За что наказали невинное дитя – плоть мою и кровь, икру Божию?

– Что с твоим отцом, Арютином Атабекяном? – насторожившись, поинтересовался Карягин.

¹³ Современный Кусапат.

¹⁴ Мелик – князь, владетель княжества (меликства) в восточных областях исторической Армении.

¹⁵ Дословно с армянского – «Чёрный воин».

– Когда ненавистный гонитель христиан Ибрагим-хан воцарился в Карабахе, многие христиане, руководимые меликами, вынуждены были покинуть свои очаги. Мелик Меджлум, мелик Абов и мой отец увели своих людей в соседние княжества. Карабах опустел. Мелики просили помощи у царя Ираклия и русских, которые вышли встретить их к воротам Тифлиса. Ираклий пообещал помощь в борьбе с Ибрагим-ханом нам, единоверцам, но не дал её. Затем ушли русские. Что я видел десять лет спустя? Христианские мелики Меджлум и Абов в рядах ненавистного магометанина Ага-Мухаммед-хана выступили против христианского же царя Ираклия. А сам Ага-Мухаммед-хан жестоко бился со своим единоверцем Ибрагим-ханом при Шуше, которую вместе с ненавистным ханом защищали армяне-христиане! Такова была ненависть меликов к правителю Карабаха. Такова была покорность народа. Всё смешалось! Но мой отец не предал ни родины, ни веры. Он вместе с Ираклием стоял у стен Тифлиса, а сам я бился за свою землю у неприступных бастионов Шуши. Отец мой навеки покрыл себя славой на Крцанисском поле и был погребён под окровавленными телами героев. Он погиб как воин с саблей в руках за христианского царя и веру.

Где были вы, русские, единственная наша опора и защита, когда горели христианские храмы, а персы делали из них конюшни и отстойные места? Мы, армяне, не подписывали с вами трактаты, как грузины, потому что некому подписывать – нет больше Армении, а есть только зависимый от персов Карабах, да народ наш, рассеянный по всему Кавказу. Наш беспримерный народ, испокон веков живший на этой земле и в последнее время стоявший на краю гибели, ныне воздел очи к небу, моля, чтобы могущественный русский орёл явился и принял под своё крыло нашу землю и её детей.

За какое-нибудь двадцатилетие нога просвещённых христиан – крестопоклонников-европейцев – так разрушила, стёрла, с землёй сравняла жалкую Америку, что из её племён, насчитывавших до пяти-шести миллионов, на сегодня не осталось и тысячи человек, да и те скитаются по горам и ущельям, как дикие звери, оплакивают свой чёрный день и гибнут. Что же было делать бедному армянскому народу? С Ноева века целых шесть тысяч лет жил он не среди христиан или просвещённых народов, а среди язычников, идолопоклонников, магометан, нехристей, вёл с ними борьбу и над многими нередко торжествовал, – но разве может роза цвести в море, разве фиалка уцелеет вблизи огня? Вытерпит ли так молнию и град гибкий пшеничный колос, как вытерпел и выдержал наш народ гнёт своих врагов?

День гаснет, одевается мраком. В глазах моих темно, в сердце моём смятение, и даже земля, где я увидел свет, сейчас представляется мне бельмом на глазу, ножом в сердце.

Птица любит своё гнездо, а я ненавижу свою землю! Я поношу её, ибо то, что я слышал и видел, как раскалённые угли, жжёт и язвит моё сердце – ведь чуть ли не вся целиком земля и вода окрашена армянской кровью! Вера попорана!

Враг армянина – мулла, день и ночь мечтавший о том, чтобы вера Христова исчезла с лица земли, вместе с нашим народом, когда подымался на минарет и пел азан, прикладывая руку к уху, визжал, и казалось, что это труба самого сатаны звала армян оплакать свою горькую судьбу. Ибо не раз случалось, что какой-нибудь бедный, беспомощный крестьянин из армян мирно шёл себе на базар поторговать и получить несколько медяков, чтобы отнести домой и тем прокормить своих детишек, как его вдруг так начинали лупить по ногам и по голове, что он и хлеб свой, и семью забывал, не помнил уже, и по какой дороге пришёл, а всё лишь оттого, что в час молитвы случайно коснулся одежды мусульманина и тем осквернил её!

А молодые люди, единственные сыновья целой семьи, опора и утешение бедного, неимущего дома, глава и надежда семейства из добрых десяти душ, – сколько, сколько их погибло в цветущем, юном возрасте, на заре жизни и счастья! С одних сдирали живьём кожу, другие, как ягнята, подставляли под шашку благородную свою голову, чтобы хоть там, на небе, обрести исполнение заветных желаний молодости, если уж земля возжаждала невинной их крови, поспешила выпить её и, может быть, утолилась.

Как пройти мимо наших красивых светлолицых девушек? Не должны мы разве помянуть их, рассказать, как ведут их, как волочат, повалив ничком, по камням, по песку, по колючкам, по терниям, хватают и тащат за волосы, бьют по голове, стегают по спине кнутом, как нередко и на животе у них пляшут, лягают, пинают, плашмя полосуют шашкой, топчут ногами, ударяют прикладами или же кованым сапогом. Связав им руки, сковав им ноги, гонят частенько за целые сто верст, а за ними плетутся отец с матерью, сестра, брат, босые, простоволосые, и дядя, и зять, и родственники, и все колотят себя в грудь, рвут на себе волосы, осыпают себя землей и камнями; как их, словно стадо растерявших друг друга ягнят и овец, загоняют наконец в крепость и там раздают праведным своим имамам, чтобы те сделали из них гаремных жён-мусульманок?

Многие ещё дома испускали дух, многие по пути, на глазах отцов и матерей, переходили в иную жизнь, где нет печали и въздыхания. Многие же, более сильные духом, доходили до крепости, и тут на них набрасывались хаджи, муллы, кялбалаи, суфты, ханы, беки, ахунды, сеиды, стараясь обманом или угрозами заставить их отречься от своей веры. Но когда они убеждались, что девушки наши ни славой не прельщаются, ни кары не боятся, не льстятся на ханское житьё и не страшатся смерти, а желают стать христовыми невестами, уйти девами из этого мира, чтобы сопричислиться к сонму ангельскому, никак от своей веры не отступают и никакое наказание – пытку, меч, огонь, голод, смерть – ни во что не ставят, – тогда отцу и матери отдавали золотокудрую голову, либо белоснежное тело, либо отрубленные руки и ноги.

Девушки – и такие сердца! Камень – и тот треснет. Упокой, Господи, их души! Вот героизм, вот сила бодрствующего духа, великодушие, храбрость, твёрдость воли, истинная душевная мощь, каких с самого потопа и до наших дней ни один народ никогда не выказывал, да никогда и выказать не сможет. Тут и гора бы развалилась, и железо бы расплавилось и стёрлось, море бы иссякло, до дна бы высохло – но боголюбивый народ армянский с беспримерным мужеством всё перенес и имя своё сохранил.

Оставим теперь этих несчастных калек, лишённых глаз, рук, ног... Таких красивых молодых армян можно и сейчас встретить в Эривани – ослеплённые на оба глаза, ахая и охая, мучительно *жаждут* они видеть и не видят невест своих, жён, детей. Иные не могут есть ни рукой, ни ложкой – им кто-то должен, как малому ребёнку, положить кусок в рот: у них нет вовсе губ, и руки их срублены от самого плеча. Третьи искалечены так, что их возят на тележке. Одни – без носа, другие – без языка.

Сердце у них в груди разрывается, когда при них разговаривают, радуются, когда дети плачут или смеются. Верно, и у них в сердце есть какое-нибудь горе или заветное желание, но они – как немые, как младенцы новорождённые, вынуждены лишь ногами и головой делать знаки, чтобы их поняли, а сами не могут сказать другому ни обидного слова, ни ласкового.

О, да сгинут государства, подобные тому, в котором мы ныне пребываем! Да стоит нерушимо царство русское, от которого наш народ ждёт освобождения!

Вани закончил свою речь-исповедь, от которой даже у видавшего виды, закалённого в боях с горцами Карягина спина покрылась холодным потом. Он не заметил, что уже давно к костру у пикета подошли Котляревский с братьями Лисаневичами – молодыми безусыми солдатами, которые всё слышали. Не знал тогда Вани Юзбаши, что только что зажёт в юных сердцах русских воинов искру святого мщения. Не видел он, как сержант Петя Котляревский до хруста в пальцах сжал клинок своей сабли, и не мог знать, что в эту минуту юноша поклялся не щадить врагов. Не своих врагов, а врагов армян и грузин, которых он пришёл защищать на землю Кавказа. Не мог знать армянский княжич, что вызвал в молодых русских сердцах то чувство справедливости, которое свойственно юности, и вызванное вовремя не пропадает до конца дней. Он был не намного старше юношей-егерей, но какая-то невидимая пропасть накопленных обид, переживаний и бед разделяла подростков. Молодым русским солдатам этот армянин показался зрелым и мудрым мужчиной.

– Вани, как ты попал сюда? – не унимался Карягин.

– После того, как в Шуше воцарился Ибрагим-хан, мы вынуждены были искать укрытия в Тифлисе¹⁶. Но и здесь нас настигли несчастья. После того, как из Тифлиса ушли русские, царь Ираклий, полагаясь на новый союз с Турцией и пользуясь тем, что Персия ослаблена и разобщена, решил, что он всемогущ, но прошло не более десяти лет, как новая беда обрушилась на его седую голову...

– А почему Россия вывела войска? – перебил армянского юношу любопытный Котляревский.

На вопрос своего подчинённого ответил Павел Карягин:

– Царь Ираклий II в нарушении Георгиевского трактата в 1786 году заключил соглашение о ненападении с турецким Сулейман-пашой. Нависла новая угроза для России. Матушка-императрица рассчитывала обезопасить свои границы Георгиевским трактатом, обеспечивавшим союз России и Картли-Кахетинского царства. И тут такое предательство! И это в то время, когда турецкая флотилия атаковала два русских судна, стоявших около Кинбурна, после чего разразилась новая война с Турецкой Портой. Ираклий в оправдание сообщил, что решился на военный союз с Турцией только для того, чтобы объединить силы против Персии. Но Россия уже вступила в очередную войну с Турцией, и защищать союзника своего врага было бы непроситительно для чести страны. Матушка наша Екатерина велела вывести наши батальоны из Грузии. Я помню, как ты плакал, мой маленький Вани, когда мой батальон выступил из Тифлиса... Я хорошо знаком с Ираклием: царь умён, но по-восточному хитёр. Он часто играл с судьбой, вот и доигрался. Уверенный в своих силах, царь переоценил их...

– Сейчас, уже повзрослев, я понимаю, что Ираклий оказался слишком самонадеянным. Блеск прежней славы затмил разум стареющего царя. Будучи пятнадцатилетним мальчиком, он отправился в свой первый военный поход против лезгин. Несмотря на то, что отец доверил мальчику лишь несколько сотен всадников без толкового военного советника, он сумел разбить целую армию аварцев и изгнать их из Картли. Видя воинственность картлинских и кахетинских царей, правивший в те времена в Персии Надир-шах взял царских детей в свой дворец, якобы для обучения. На самом деле много лет они оставались заложниками и гарантами спокойствия северных границ Персии. Отличаясь умом и сноровкой, Ираклий вызвал у Надир-хана почти отеческие чувства к себе, и правитель Персии пригласил царевича в поход против Афганистана. В битве при Кандагаре будущий царь, которому едва исполнилось семнадцать лет, руководил грузинской конницей, первой ворвавшейся в город.

Между тем, разорив Афганистан, Надир-шах двинулся в Индию. В этом походе Ираклий поражал шаха своим равнодушием к богатству, которое он заменял восхищением красотой сотворённого руками человеческими. Юный грузинский царевич был аскетичен в быту и бесстрастен к окружавшим его почестям. Лести он предпочитал правду.

Властитель Персии заметил в нём ещё одно редкое для своего окружения качество. Ираклий очень мало говорил, но каждое произнесённое им слово было на вес золота. Надир-шах начал прислушиваться к советам царевича и, охотно следуя им, достиг Индии. Даже там, в чужой стране, среди чужого народа, как говорят предания, рассуждения Ираклия пользовались большим уважением даже у индийских жрецов, браминов и факиров, а некоторые его изречения обратились в пословицы.

¹⁶ В период правления Ибрагим-хана (1763–1806) Шуша превратилась в символ сильной централизованной власти. В то же время обострилось религиозное противостояние армянской части населения и мусульман. Исповедовавший ислам Ибрагим-хан создал прецеденты для оттока армян, исповедующих христианство, из Карабаха. Россия, которая пыталась проникнуть в регион, начала помогать армянским меликам, претворяя в жизнь план создания там христианского государства. Ибрагим-хан созвал меликов в Шушу и на основании документов доказал их предательство Карабахскому ханству, после чего часть из них была брошена в тюрьму, а часть бежала в Тифлис.

Волнения внутри страны заставили персов уйти из Индии. По возвращении в Персию Надир-шах послал своего верного помощника Ираклия на грузинские земли усмирять давнего своего врага князя Гиви Амилахвари. За взятие Сурамской крепости, в которой оборонялся непокорный князь, Надир-шах сделал Ираклия царем Кахетии, а его отца – царем Картли. Не было более верного союзника у Надир-шаха, чем Ираклий. За несколько дней до своей смерти правитель Персии призвал Ираклия к себе во дворец. Царь Кахетии, прибыв во дворец шаха, стал невольным свидетелем оскотления шестилетнего мальчика-наложника, который в чём-то провинился. Не знали тогда ни Ираклий, ни этот мальчик, которого звали Ага-Мохаммед, как тесно переплетутся их судьбы.

После убийства Надир-шаха Персия впала в кровавые междоусобицы. А сердце взрослеющего внука Ага-Мохаммеда, жившего в ханском дворце, наполнялось чёрной желчью. Не имея возможности открыто проявить свою ненависть, он носил при себе нож и при любом удобном случае резал во дворе богатые ковры и портил всё, к чему касалась его рука, желая хоть этим навредить шаху, о чём впоследствии, когда дворец попал в его руки, сильно жалел.

Наружность отражала злой и мрачный характер мальчика. Маленький ростом, сухощавый, со сморщенным и безбородым лицом внука, Ага-Мохаммед оказался извергом. Ненависть и кровавая злоба, сверкавшие в глубоко впавших глазах, свидетельствовали о противостественных страстях, кипевших в его поблекшей душе. Он превосходил жестокостью всех бывших властителей Персии, и слово пощады, милости или человеколюбия никогда не срывалось с уст жестокого внука. В то же время это был человек необыкновенного ума, железной энергии и всепоглощающей гордости.

Став правителем каджаров, Ага-Мохаммед сумел объединить разрозненные тюркские племена и повёл их в поход на Персию. Он взял штурмом Исфахан, Шираз и Керман. Каждый город на три месяца был отдан на разграбление воинам, а большинство горожан было перебито. Никогда прежде, даже при нашествии афганцев, города не испытывали таких ужасов. Войска в варварстве и жестокостях доходили до крайности. В Кермане было ослеплено двадцать тысяч мужчин. Их глаза ежедневно подносились жестокому тирану, и он, упиваясь злобой, лично пересчитывал их. Восемь тысяч женщин были отданы на потеху воинам, оставшиеся – обращены в рабство. Из 600 отрубленных голов пленных врагов во дворе шахского дворца была сложена пирамида. Последний правитель царствующей династии Зендов Лутф-Али-хан был ослеплён и затем четвертован.

Обратив Персию в руины, Ага-Мохаммед-хан даже и не помышлял о престоле, намереваясь возратить Персии все потери, понесённые ею во времена междоусобий. Он поклялся, что примет титул шаха лишь после объединения всех земель в пределах прежнего государства.

Собравшись с силами, этим летом персы перешли Араке и вторглись в Карабах. Ага-Мохаммед-хан приступил к стенам Шуши, сердцу моему, столице Карабахского ханства.

Узнав об этом, Ираклий II послал на помощь Ибрагим-хану своего сына – царевича Александра – с небольшим войском. Осадив Шушу, Ага-Мохаммед-хан отправил Ибрагим-хану письмо: «Рок обрушивает камни, ты ж, глупец, стеклом¹⁷ укрылся». Ибрагим-хан велел написать ответ поэту Вагифу¹⁸: «Если тот, в кого я верую, мой Хранитель, то он сохранит и Шушу под мышцей камня». От себя же добавил: «Лучше умереть в бою, чем сдать город внуку!» Такого Ага-Мохаммед-хан стерпеть не мог. «Да я нагайками своей кавалерии забросаю тушинское ущелье!» – в отчаянье воскликнул он. Тридцать три дня длилась осада крепости, персы били из пушек, палили из ружей, но, как и предсказал поэт, никакого урона её защитникам

¹⁷ Здесь – игра слов. Обигрывается слово «Шуша», которое дословно переводится как «стекло». В данном контексте следует читать иносказательно: стеклом укрылся. Намёк на ненадёжность, хрупкость подобного укрытия.

¹⁸ *Молла-Панах Вагиф* (1717–1797) – визирь Карабаха, известный поэт.

враги не нанесли. Более того, удачными вылазками небольших отрядов, в одном из которых я и состоял, наносился ощутимый урон захватчикам.

Пока шла осада Шуши, не знавший поражений Ага-Мохаммед послал 12-тысячное войско своего брата Али Кули-хана на Эривань. Ираклий разбил его ещё на подходе, рассеяв персов одним своим авангардом.

Ага-Мохаммед был в бешенстве. Некогда вернейший подданный Персии царь Ираклий стал для неё теперь злейшим врагом. Ираклий был уверен, что пока персы не возьмут Шушу, они не пойдут на Картли-Кахетинское царство, но просчитался. Ибрагим-хан через своего курьера устно и письменно уведомил царя, что Ага-Мохаммед-хан, узнав о том, что произошло в Эривани, снял осаду с Шушинской крепости и с войском и артиллерией двинулся на Тифлис.

Вани расстегнул рубаху и вынул из-за пазухи половинку листа синей бумаги.

– Что это? – заинтересовался Карягин, беря из рук Вани пергамент и разворачивая его. – Ты погляди-ка, печать самого Ага-Мохаммед-хана!

– Это послание царю Ираклию с требованием сдать Тифлис. По просьбе царя Ираклия, отправившего меня, я передаю в доказательство вероломности Ага-Мохаммед-хана это письмо.

– Сможешь перевести на русский, что здесь написано?

– Конечно!

Вани взял из рук Карягина письмо и прочёл:

«Благодарю Аллаха, ибо велика есть слава его. Приказ сей объявляем Его Высочеству царю грузинскому. Ожидающему нашу милость да будет ведомо: дело, которое грузины учинили семьдесят лет тому назад в Кандагаре, и как они уронили честь Ирана, – это ныне уже известно, ибо Шах-Султан-Гусейн умер и его уже нет более в живых. Ныне и Ваше Высочество знает, что в продолжение этих ста поколений Вы были подвластны Ирану; теперь же с удивлением изволим мы сказать, что Вы примкнули к русским, у которых нет других задач, как торговать в Иране и дело которых только торговля. Ты человек пятидесяти лет и такие вещи допускаешь: привёл неверных, соединился с ними и даешь им волю! Хотя ваша вера и наша неодинаковы и различны, но Вы всегда имели связь с Ираном. В Иране много татар, грузин, армян, неверных и других религий; поэтому следует, чтобы Вы постыдились пред всеми и не допустили этого дела. В прошлом году ты заставил меня погубить нескольких грузин, хотя мы совершенно не желали, чтобы наши подданные погибли нашею же рукою. Теперь по милости Бога, силой которого мы достигли столь большого величия, верность заключается в следующем: ныне великая наша воля, чтобы Вы, как умный человек, бросили такого рода дело, так как в этом желание страны, и порвали бы связь с русскими. Если приказанное не исполнишь, то в это короткое время совершим поход на Грузию, прольём вместе русскую и грузинскую кровь и из неё создадим реку наподобие Куры. Так как следовало известить тебя об этом, для этого мы Вам написали сей фирман, чтобы ты не ослушался нашего приказания и познал свое положение». И ниже печать Ага-Мохаммед-хана.

– Хороший фирман, ничего не скажешь! – прокомментировал Карягин. – И когда же царь Ираклий получил его?

– Четвёртого сентября, в тот день, когда Ага-Мохаммед-хан снял осаду с Шуши. А уже восьмого сентября персидское войско расположилось лагерем в семи верстах от Тифлиса.

– И каков же был ответ Ираклия?

– Не только Ага-Мохаммед-хан, но даже если бы все азиатские государства пошли на нас войной, и то не откажусь от верности России – таков был ответ грузинского царя персам, – гордо заявил Вани, после чего продолжил. – Ещё в апреле 1795 года царю Ираклию II стало известно, что в городе Ардебиле Ага-Мохаммед-хан начал собирать войско, состоявшее из кавалерии и артиллерии, которым командовали французские офицеры. Ираклий писал начальнику Кавказской линии Гудовичу и своему послу в столице Герсевану Чавчавадзе с прось-

бой оказать военную помощь согласно Георгиевскому трактату. Но ответ получить так и не успел. Единственный, кто своей волей мог послать русские войска для обороны Тифлиса, был Гудович... Но и он без высшего соизволения не предпринял никаких действий. Хотя он ваш начальник, и ничего дурного в его адрес говорить я не хочу. Наверное, просто не смог...

Несмотря на отсутствие сведений из России, Ираклий не имел возможности держать все имеющиеся силы под рукой. Из-за опасения нападения на Кахетию войска лезгин коварного Омар-хана старший сын царя Георгий¹⁹ с четырёхтысячным войском стоял в Сигнахе, обороняя Кахетию с востока. С царем Ираклием в Тифлисе осталось только 2700 воинов, среди которых были и арагвинцы, и кизикинцы, правда, в малом количестве, но воины храбрые и могучие. В самый канун решающей битвы за столицу княжества прибыл царь Имеретии Соломон II²⁰ вместе с двумя тысячами имеретинских всадников. Вот и все силы, имевшиеся тогда у Ираклия. И это против 35000 отъявленных головорезов Ага-Мохаммед-хана!

Когда войска Ага-Мохаммед-хана подошли к стенам Тифлиса, царица Дареджан²¹, супруга царя Ираклия, зная жестокость противника и понимая неминуемость гибели горожан, взяла на себя смелость увести и спрятать жителей Тифлиса в Арагвском ущелье. Это, к сожалению, вызвало панику, и готовившийся к обороне города гарнизон потерял управление и стал уходить в горы вместе с мирными жителями. Но уйти успели не все...

Между тем, запасшись в Гяндже провиантом и фуражом, Ага-Мохаммед-хан расположился в Соганлуги. Вместе с ним были перешедшие на сторону персов Гянджинский, Шекинский, Эриванский ханы и карабахские мелики со своими войсками.

Первый бой состоялся 10 сентября, передовые войска под командованием карабахского мелика Меджлума, который хорошо знал окрестности Тифлиса, вступили в бой с грузинским отрядом, которым руководил царевич Давид. Внук царя Ираклия мужественно бился и своей артиллерией уничтожил конницу противника. Убит был и мелик Меджлум, которому за предательство были обещаны воистину царские привилегии. Ему было дозволено беспрепятственно поступить на службу, когда он пожелает, все его желания должны были быть исполнены, о чём бы он ни попросил, государственная казна должна была быть к его услугам. Но воспользоваться этими привилегиями армянский мелик, хриstopродавец, позор нашего народа, так и не успел. В этот день на Крцанисской равнине был разбит карабахский авангард Ага-Мохаммед-хана. Из Тифлиса полетели во все стороны гонцы с известием о победе. Сам владыка Персии, зная воинственность и смелость грузин не понаслышке, помня славные победы царя Ираклия над превосходящими силами противника, засомневался в собственных намерениях и готов был отступить от намеченного, но предательство представителей многочисленного семейства Ираклия, которые благоволили Ага-Мохаммед-хану, сыграло роковую роль. Кто-то из царевичей – претендентов на грузинский трон – предал нас. Ночью персы узнали истинные силы защитников Тифлиса. Город озарился ночными огнями, народ ликовавал, но радость была преждевременна. И хотя стены Тифлиса были достаточно укреплены и при расставленных на стенах 35 пушках он представлял собой грозную крепость, уход царицы Дареджан двумя днями ранее привёл к тому, что вместе с мирными жителями город покинули многие его защитники. Оставшиеся собрались на Крцанисском поле у Южных ворот Тифлиса.

На следующий день, 11 сентября, в 7 часов утра Ага-Мохаммед-хан повёл в атаку основные свои силы. Шёл дождь, Кура в то время была полноводной. Всю свою армию, от 40 тысяч которой оставалось 32 тысяч воинов, Мохаммед-хан разделил на 14 частей. А шести тысячам верных ему туркмен, которых он поставил позади основных сил персов, было приказано

¹⁹ В будущем последний царь Картли-Кахетии Георгий XII.

²⁰ Внук царя Ираклия.

²¹ Царица Дарья – супруга царя Ираклия II. В последние годы правления царя сконцентрировала в своих руках все нити управления государством, оказывала сильнейшее влияние на принятие решений царём Ираклием.

убивать каждого отступающего. Связанные верой, но разделённые обычаями, ненавидящие персов туркмены с особым удовольствием взялись за исполнение этого приказа²².

Грузинское войско в этот день возглавлял сам царь Ираклий II. Его уговаривали не вступать в бой, а возглавить оборону города, но 75-летний царь решил до конца остаться со своим войском, показывая пример самоотверженности и крепости духа. Правым крылом обороны командовал царевич Давид, передовой отряд возглавлял царевич Иоанн, а левым крылом командовал Иоанн Мухранбатони. Отряды своего сына Вахтанга и князя Отара Амилахвари Ираклий оставил поблизости как резервные, тысяча имеретинцев Зураба Церетели встали справа от царя. А царь Соломон II с ещё одним имеретинским отрядом занял позицию у стен крепости, чтобы при надобности помочь артиллеристам.

Основной бой развернулся на Крцанисском поле, где грузины успели построить три ряда оборонительных траншей. Воины Ираклия сумели заманить войска персов в узкие теснины на подступах к Тифлису, где зажатого в скалах противника грузинские ружейники просто отстреливали в колоннах. Передовые отряды царевича Иоанна стояли твёрдо, нанося большие потери врагу, несколько сот захватчиков было убито. Ага-Мохаммед-хан, поняв, что по узким ущельям до города ему не добраться, повернул коня и прыгнул вместе с ним в Куру, за ним последовали передовые части персов. 300 персидских всадников погибли в полноводной Куру, но их предводитель выбрался из воды невредимым. Казалось, сам Сатана охраняет его. Выйдя на левый берег, Ага-Мохаммед-хан поднялся на высоту, откуда он хорошо разглядел малочисленность защитников города. Но его основные войска всё ещё переправлялись, и это был самый сложный момент боя, когда отважные тифлисцы могли сбросить ослабленный и пока ещё малочисленный авангард персов в воду и ликвидировать плацдарм. Тифлисцы быстро поняли своё преимущество и пошли в лобовую атаку. Прижатый к берегу полноводной Куры, вымотанный отряд персов долго не мог сдерживать яростные атаки грузин. Второй раз Ага-Мохаммед-хан задумался об отступлении. Он хотел было вернуться на правый берег, но буйные воды Куры не позволили ему этого сделать. Только лишь очередное предательство позволило продолжить сражение. Перебежчик рассказал жестокому скопцу о броде, по которому персидская конница быстро преодолела реку. В это время царь Ираклий со своим отрядом двинулся к третьей траншее, чтобы закрыть дорогу врагу в сторону Сеидабада, где грузины упорно атаковали врага. Пушечное ядро убило коня Ага-Мохаммед-хана, и предводитель персов покатился по окровавленной грязи. Испуганный скопец, поднявшись на ноги, приказал атаковать всеми силами, введя в бой свежие резервы. Храбрые защитники Тифлиса отступили и укрылись в траншеях.

Грузинский авангард под начальством сына Ираклия царевича Иоанна, державшийся в течение нескольких часов на позициях, воины которого сражались с отвагой львов, потерял много людей убитыми и начал было отступать, когда на подкрепление к нему явился его брат – царевич Вахтанг, вытребованный Ираклием, с храбрейшими воинами – хевсурами, арагвинцами, кизикинцами, пшавами. Помощь подоспела вовремя. Авангард возобновил сражение и, получив в подмогу тифлисское ополчение, посланное царём, которое возглавил князь Мочабелов, сам перешёл в очередное наступление. Мочабелов был поэтом, слагал песни на грузинском языке. Взяв чунгур, он пропел перед славными защитниками Тифлиса несколько вдохновенных строф своей новой песни и кинулся вперёд с такой стремительностью, что его отряд сумел пробиться до самых персидских знамен, из которых многие были взяты грузинами на глазах самого Ага-Мохаммед-хана. Мужество защитников поразило его и ещё больше озлобило.

Он выдвинул вперёд мазандеранскую пехоту, стоявшую до тех пор в резерве, и приказал ей идти на приступ. Ираклий, со своей стороны, бросил в бой последние немногочисленные резервы. Блестяще била персов грузинская артиллерия под руководством майора, князя Георгия Гурамишвили, который геройски погиб у своей пушки. С отрядом личной охраны в

²² Это один из первых исторических примеров использования заградительных отрядов в регулярной армии.

окружение попал и сам царь Ираклий. Увидев своего деда в таком положении, царевич Иоанн крикнул: «Царь Ираклий в опасности!» – и саблей бросился прибывать к нему дорогою. Триста арагвинцев, устремившиеся за царевичем Иоанном в последней безумной атаке, сумели оттеснить врага и буквально вырвали своего отчаянно сражавшегося царя из рук персов.

Геройство этого небольшого отряда из трёхсот человек позволило царю и сопровождающим его сыновьям, внукам и многим бойцам уйти в безопасное место. Царевич Иоанн обратился к своему деду со словами: «Каждый из твоих подданных знает твою храбрость и знает, что ты готов умереть за Отечество, но если суровая судьба уже изменила нам, то не увеличивай своей гибелью торжества неприятеля».

К тому времени войска Ага-Мохаммед-хана зашли в тыл защитникам Тифлиса и, занимая все дороги, ведущие в город, грозили отрезать отступление. С удалением Ираклия битва не прекратилась. Царевич Давид долго ещё удерживал персидских воинов в кривых и тесных улицах предместья. Но когда он увидел, что неприятельские толпы занимают город, уже покинутый царём, тогда и последний грузинский отряд удалился к северу с намерением пробраться в горы, куда отступил Ираклий. Из менее чем пятидесяти тысяч войска царя Ираклия уйти в горы успели немногим более полутора сотен израненных в бою грузинских воинов. Триста арагвинцев неприступной стеной встали у тропы, ведущей в горы, и ценою своих жизней прикрыли отход царя, продлив ещё на несколько часов время битвы, исход которой уже был предreshён. Ни один из них не вернулся домой, к жене и детям. Да помянет их Господь на небесах!

Войска Ага-Мохаммед-хана дошли до Гори, но в город не вступили. Стычка подоспевшего подкрепления с персидским отрядом произошла на горе Квернаки, к востоку от Гори. Пока персидские войска входили в Тифлис, отважные горийцы разбили увлечшийся преследованием персидский авангард.

Ага-Мохаммед-хану победа в битве за Тифлис досталась дорогой ценой. Его сорокатысячное войско сократилось вдвое всего лишь за один день битвы у ворот города! Разорив Кахетию и Карабах, Ага-Мохаммед-хан, опасаясь, что Ираклий соберёт крупные силы для ответного удара, поспешил покинуть Тифлис и отправился в Мурганскую степь на зимние квартиры. Он и поныне там сидит как грозный орёл, выскивающий очередную жертву. А на наших землях поселилась смерть. Чума и голод заканчивают чёрное дело нового персидского шаха. Скоро по ту сторону Казбека не останется ни одной живой души! Ах, если бы все сыновья Ираклия откликнулись на его призыв! Может быть, исход битвы был бы иной. Ах, если бы русские войска подоспели вовремя!

Я состоял при отряде князя Давида и от усталости не смог держать темп уходящих в горы воинов. Из последних сил забравшись на дерево и привязав себя поясом, чтобы не упасть, я забылся крепким сном. Не буду описывать все скитания, выпавшие на мою долю после падения Тифлиса. Скажу одно: в следующую неделю я пожалел, что не пал убитым под его стенами. Питаясь травой и ягодами, я шёл по дорогам, заваленным разлагающимися на солнце телами, пока не встретил попутчика – такого же, как и я, несчастного скитальца. Он уже успел побывать в разорённом Тифлисе и по дороге рассказал об увиденных им ужасах.

Жители города стали мучениками за веру. Запершегося в Сионском соборе митрополита сбросили в Куру с виноградной террасы его собственного дома. Всех священников перебили. Жители Тифлиса подверглись неистовым жестокостям. Целых шесть дней, с одиннадцатого по семнадцатое сентября, персияне предавались в городе всевозможным неистовствам: насиловали женщин, резали пленных и убивали грудных младенцев, перерубая их пополам с одного размаха только для того, чтобы испытать остроту своих сабель. В общем разрушении не была пощажена даже святыня. Персияне поставили на Авлабарском мосту икону Иверской Божьей матери и заставили жителей города издеваться над ней, бросая ослушников в Куру. Стойкие в вере тифлисцы плакали перед иконой, но никто не посмел причинить ей вред. Вскоре река запрудилась трупами. На Авлабарском мосту погибла и моя мать с семимесячным

братом. Когда дикие персы хотели заставить её плюнуть в святой лик, она плюнула в лицо сотника-туркмена, стоявшего у иконы. Гнев его был столь страшен, что одним ударом своей сабли он разрубил пополам обоих: и мою мать, и брата. Воды Куры остановились и не смогли течь дальше моста – ниже по течению текла река крови. Десятки тысяч грузин были уведены в рабство. Все оставшиеся в городе женщины от десятилетних девочек и до почтенных дам были розданы персидским воинам в качестве наложниц. Говорят, на невольничьем рынке Анапы можно купить грузинскую девочку за один коврик для намаза или за 15 пиастров. Каждая ясноликая красавица попала в плен дивоподобному²³ персу и каждая сребротелая сделалась добычей тирана. Сердце каждой маковоликой девы изнывало по своему возлюбленному, белая грудь каждой матери была изранена горем по своим чадам и лучистые очи каждой жены проливали кровавые слезы по мужу, павшему на поле брани. Тифлис был превращён в руины, персы не пожалели ни одного дома.

Узнав, что царь Ираклий находится тут же в Ананури, мы вместе с моим попутчиком, который, на моё счастье, оказался армянским священником, решили непременно его найти. Добравшись до Ананури, мы отправились к тамошнему грузинскому старинному монастырю как к единственному месту, в котором, наверное, могли встретиться с царём. В прошлом величественный, монастырь был невелик и почти весь уже развалился. Здесь под сводом одной разрушенной кельи, бывшей в углу монастырской стены, мы увидели человека, сидящего лицом к стене и закрытого простым овчинным тулупом. Рядом стоял ещё один человек преклонного возраста. Мой попутчик спросил его: «Кто такой сидит в углу?» Старец ответил по-армянски пространно и с глубоким вздохом: «Тот, которого ты видишь, был некогда в великой славе, и имя его уважалось по всей Азии, ещё от дней Кули-хана. Он был лучший правитель народа своего. Как отец, старался о благоденствии его и умел сохранять целость царства своего до сего времени чрез целые сорок лет, но старость, лишившая его сил, положила всему преграду и конец. Чтоб отвратить раздоры и междоусобия в семействе своём, по смерти его последовать могущие, он думал сделать последнее добро народу своему и для лучшего управления разделил царство по частям. Но несчастный царь Ираклий ошибся в своих надеждах. Бывший евнухом Кули-хана, в то время как Ираклий носил звание военачальника Персии, пришел ныне победить немощную старость его. Как и собственные дети отказались помочь ему и спасти Отечество, потому что их было много и всякий из них думал, что он будет стараться не для себя, а для другого. Он принуждён был прибегнуть к царю Имерети. Но если ты был в Тифлисе, то, конечно, видел весь позор, какой представляли там войска его. Ираклий с горстью людей сражался со ста тысячами и лишился престола оттого, что был оставлен без жалости детьми своими, и кому же на жертву? Евнуху – человеку, который прежде ему раболепствовал! Померкла долголетняя слава его; столица обращена в развалины и благоденствие народа его – в погибель. Вот под сей стеною видишь ты укрывающегося от всех людей славного царя Грузии, без помощи и прикрытого только овчиною шкурой. Царедворцы и все находившиеся при нём ближние его, природные подданные, коих он покоил и питал на лоне своём во всём изобилии, оставили его. Ни один из них не последовал за владыкою своим, кроме меня, самого последнего армянина. Я прислуживал у повара его и питался от падающих крупыц. Я один только не забыл, что и сии крупыцы принадлежали царю, один я не бросил сего несчастного царя: охраняю его, прошу милостыню или иным образом достаю кусок хлеба и приношу ему».

Этот добрый старик, рассказывая мне приключение царя, горестно плакал об участи, постигшей его, как верный преданный раб. «Возьми! – сказал он, передавая мне грамоту. – Отвези её русскому правителю Гудовичу, чтобы он видел, что царь Ираклий не предал свою северную сестру».

²³ Дэвы (дивы) – в кавказской мифологии чудовища, духи тьмы.

Я поспешил к вам и в перевалах встретил русские батальоны, которые хоть и с опозданием, но всё же шли на выручку царю Ираклию. Перейдя Терек, я узнал, где расположен ваш лагерь. Мой разум расслабился, я уснул в нескольких верстах от него, за что и поплатился. Двое лезгин поймали меня, но перед тем, как отвезти к себе, решили выведать ваши силы. Когда они подъехали совсем близко к лагерю, я закричал. Ваши солдаты убили моих обидчиков и доставили меня к вам.

К костру, возле которого расположились Вани и русские офицеры, подошёл штаб-офицер четвёртого батальона, подполковник Михаил Михайлович Верёвкин, грудь которого, как и грудь Карягина, украшала медаль за взятие Анапы.

– Хорош молодец! – невольно вырвалось у него. – И что с тобой теперь делать?

– Можно к вам на службу пойти? – неожиданно произнёс Вани.

– Не положено! – отрезал Верёвкин. – Хотя... Определи-ка я тебя пока что в обоз. Найдётся капитана над вожжами²⁴ и сообщишь, что находишься в его распоряжении. Утром он получит соответствующие бумаги. Пусть поставит тебя на довольствие. Места здешние знаешь?

– Конечно!

– Будешь проводником.

Верёвкин подозвал караульного солдата и велел накормить и отвести армянского парня в палатку. Затем перевёл взгляд на своих воспитанников Лисаневича и Котляревского. Лазарев перехватил этот взгляд и обратился к меткому стрелку:

– Как звать-то тебя, сынок?

– Сержант мушкетёрской роты Кубанского егерского полка Лисаневич.

– А по имени?

– Дмитрий Тихонович.

– Грамоте обучен?

– Обучен. Но кроме грамоты ничему не обучали. Учителем моим была мать. Мы с братом из обедневших дворян Воронежской губернии. У матери денег на учителей не было. Да что там учителя! Мы, дворяне, землю вынуждены были пахать, чтобы прокормить себя.

– Родители живы?

– Два года назад, как в армию пошёл, живы были, а сейчас... Не могу знать...

– Завтра, герой, повелю триста рублей нарочным отослать для твоих родителей! Пусть гордятся, что такого сына воспитали! Ты же не просто жизнь неизвестному тебе офицеру спас, ты душу свою спас! Ты метко стреляешь и верно мыслишь. То, что грамоте обучен, – это хорошо! Читай больше – быстрее постигнешь суть войны. За подвиг твой произвожу тебя приказом в сержанты и перевожу к Карягину в егерскую роту – ему такие молодцы ой как нужны! Павел Михайлович, принимай ещё одного стрелка, да гляди, выучи его хорошенько, чтобы имя Лисаневич гремело по всему Кавказу! Вы же, сержант Котляревский, производитеесь в капралы и поступаете ко мне секретарём. На ваших плечах отныне, молодой человек, исход боя. От вашей расторопности и умения разобраться в обстановке будет зависеть, погибнет ещё несколько русских солдат или нет. Служить под моим началом тяжело, но, я уверен, вы справитесь!

Карягин взглянул на Лазарева и новоиспечённого капрала и вспомнил трогательную историю, связанную с судьбой командира батальона и Петром Котляревским.

Несколько лет назад в полку появился новый офицер – Иван Петрович Лазарев. С первых дней на Кавказе он проявил себя как энергичный и знающий военное дело человек. Через год

²⁴ Капитан над вожжами – в русской армии должностное лицо, отвечающее за то, чтобы войска двигались по нужным маршрутам и прибывали в намеченные пункты. Он обязан отыскивать из местных жителей проводников, знающих окружающую местность, и обеспечивать ими войска. Нечто вроде начальника службы проводников. Позже негласно эту должность солдаты между собой в шутку называли «службой Иванов Сусаниных».

он вызвал в полк 12-летнего мальчишку, рассказав удивительную историю, случившуюся с ним в Малороссии.

Суровой зимой 1792 года снежная метель застала подполковника Ивана Петровича Лазарева и правителя Харьковского наместничества Фёдора Ивановича Кишенского в степи. Лазарев ехал к месту своего нового назначения, в станицу Марковку Беловодского уезда, к устью Дона, где была заложена крепость Святого Дмитрия²⁵. В придонских степях на зимние квартиры расположился 4 батальон Кубанского егерского корпуса, командиром которого и был назначен герой шведской войны Иван Петрович Лазарев.

Уставшие лошади стали мёрзнуть и почти что не шли. Стужа была такой сильной, что стала проникать под тулупы путников, сидевших в санях, и замёрзнуть бы им на дороге, если бы не колокольный звон, доносившийся из соседнего села. Ямщик, услышав колокола, ожил и, хлеща изо всех сил лошадей, подчинил их неведомой воле, вернув животным жажду жизни. Спустя час офицер и чиновник разместились в самой лучшей хате села Ольховатка Купянского уезда, с колокольни которого и звучал спасительный звон.

Сельский священник Степан Яковлевич Котляревский, гостеприимно приютивший дорогих гостей, выложил на стол всё, что было припасено на Рождество. Сало, буженина, крынка молока, два десятка яиц, квашеные капуста и огурцы, огромный каравай ржаного хлеба – всё это не могло не удивить путников.

– Так пост же, батюшка! – попытался возразить Лазарев, волю которого не могли сломить ни тяжёлая дорога, ни гастрономические соблазны.

– Подорожным можно! Господь позволяет! – ответила вместо священника его жена.

Женщина пребывала в том благословенном возрасте, когда сложно судить о количестве лет. Некогда первая красавица Ольховатки, несмотря на то, что была матерью пяти детей, не растеряла своей прелести. Материнство лишь украсило её, позволив женской ласке в полной мере излиться на своих чад.

– Раз Господь позволяет – искушаем и поблагодарим хозяев за оказанную милость! – перекрестившись, произнёс Лазарев. – А утренний звон, что спас нас от неминуемой гибели, чьих рук дело?

– Сыночка моего старшего, Петеньки! – отозвался священник. – Он у меня шибко умный. Семи лет от роду отдал я его в Харьковский духовный коллегиум. Ныне же на праздники ученики по домам распущены, и Петенька домой прибыл.

В хату в клубах морозного пара ввалился русоволосый мальчуган. Низко поклонившись гостям, он сбросил тулуп и полез на печь.

– Вот Рождество отпразднуем и обратно в коллегиум. Правда, сынок?

Переведя взгляд на сына, священник заметил, как пристально ребёнок изучает гостей. Особое внимание парнишки привлёк статный и высокий усатый военный.

– А саблю можно глянуть? – неожиданно с детской непосредственностью спросил мальчик.

– Конечно! – улыбнувшись в усы, ответил Лазарев. – Спускайся с печи! Только это не сабля, а шпага.

Подполковник обнажил оружие и подал Пете. Рука мальчишки легла на эфес, как будто он родился со шпагой в руках. В глазах мальчонки появился блеск. Он любовался оружием, как может любоваться им истинный мужчина, родовая память которого не позволяет забыть его предназначение защитника.

– Не вернись в Коллегиум! – неожиданно выпалил мальчик. – Я на войну пойду!

Разыгравшаяся метель бушевала целую неделю. Уездный чиновник и офицер всё это время вынуждены были провести в доме гостеприимного священника. Целую неделю родители

²⁵ Сейчас – город Ростов-на-Дону.

уговаривали проявившего характер юношу вернуться в коллегиум, чтобы по его окончании мальчишка мог пойти по стопам отца и принять сан священнослужителя, что обеспечило бы, по мнению семейства, безбедное существование их старшему сыну. Но всё было напрасно. Лазарев принёс в дом Котляревских тот воинственный дух, которого так не хватало юноше, погрязшему в своей учёбе.

Лазареву, только что сдавшему батальон вновь формируемого Московского гренадёрского полка и едущему за новым назначением, очень понравился смысленный сын сельского священника. Видя порывы мальчика, Лазарев предложил в форме благодарности за гостеприимство исходатайствовать Пете место в своём подразделении, как только сам обустроится на новом месте службы. Видя, что упрямый сынок не отступится от своего намерения, в надежде на честность и порядочность Лазарева священник взял с офицера слово, что тот будет заботиться о подростке как о собственном сыне. Прошёл год. Пётр Котляревский возмужал. По ночам ему вспоминалось это зимнее приключение и таинственный военный. Он уже перестал верить в то, что офицер вернётся за ним. Да и жив ли он, этот офицер? Россия ведёт непрерывные войны, причём периодически на нескольких фронтах. Неожиданно в один из тёплых майских дней 1793 года во двор Харьковского духовного коллегиума въехал военный в егерской форме.

– От командира 4-го батальона Кубанского егерского корпуса Лазарева! – представился ректору Коллегиума егерь. – Имею приказ и предписание забрать фурыера Петра Котляревского в Моздок.

– У нас нет фурыеров, только студенты! – растерянно ответил ректор.

– Тогда позвольте доложить, что одним студентом у вас стало меньше, а одним фурыером в армии матушки нашей императрицы Екатерины больше. Или вам воля монаршая не указ?

Так судьба, случайность, происшествие – как угодно можно назвать произошедшее – предопределили не только судьбы двух юношей, но и судьбу самого Кавказа, о чём ни мальчишка, ни мушкетёр, приехавший за ним, не могли, конечно же, знать. С сопровождающим его будущим сослуживцем Петя Котляревский познакомился в пути. Им оказался Дмитрий Тихонович Лисаневич. Между юношами во время долгой дороги завязалась дружба, верность которой толкала впоследствии обоих на немислимые подвиги.

Глава 3

Гудович

– Где Герсеван? – первым делом поинтересовался царь Ираклий у своей жены Дарьи, когда они снова встретились в Ананури.

– Он в Гори. Возглавил ополчение. Им удалось отбить город у шакалов Мохаммед-хана.

– Дареджан, позови моего сына Александра. Пусть едет в Гори и привезёт сюда моего верного князя Чавчавадзе. Без его дипломатии мы не сможем долго сопротивляться. Я хочу послать его к царице Екатерине. Возопим о помощи. Надеюсь, она откликнется на просьбу единоверцев-христиан. Теперь всё зависит от того, как скоро Герсеван Чавчавадзе попадёт в Санкт-Петербург. Дорога много времени займёт. Как бы не опоздал...

– Ты звал меня, отец? – с порога бросился на колени царевич Александр. Его разорванная кольчуга и треснувший пополам шлем свидетельствовали о том, что юноша совсем недавно был на волоске от гибели.

– Да, сын мой! Скачи немедленно в Гори к князю Чавчавадзе и прикажи ему явиться ко мне!

Ираклий взял бумагу и, обмакнув перо в чернильницу, приступил к написанию послания своему министру и другу. 15 сентября 1795 года, спустя всего неделю после падения Тифлиса, картли-кахетинский царь буквально молил о помощи:

«Герсеван, вот время принять Вам всевозможный труд за Отечество Ваше, за церковь и христианский народ. Ничего уже у нас не осталось – всего лишились... Вы сами знаете, что если бы мы присягою к Высочайшему Двору привязаны не были, а с Ага-Магомет-ханом согласны были, то ничего с нами не сделалось бы. Для Бога приложите старание, чтобы ускорить исходатайствованием войск...»

На следующий день черноволосый, с густыми смоляными усами грузинский князь Герсеван Чавчавадзе принял это письмо из рук царского наследника. Свисавший на красной ленте сургучовый ярлык царя Ираклия был повреждён, но на обломках угадывался царский герб.

– Кахетия сломлена, – прокомментировал Чавчавадзе то ли письмо, то ли треснувшую печать, – осталась только Картли. Ираклий просит помощи российских войск... Даже выбора нет... Наши с твоим отцом мечты о Великой Грузии тают, как утренний туман на склонах гор. Запомни, Александр, кто бы ни притязал на наши земли: Россия ли, Турция или Персия – они всё равно будут оставаться нашими землями – землями грузин. Ради того, чтобы свершилось высшее предназначение и наш народ не растворился как горный мёд в травяном отваре, сумей правильно использовать свою гордость и выбирай всегда в союзники не того, кто сильнее, а того, чьими руками ты сможешь осуществить великую идею сбора всех земель, которые достались нам от предков! Ты самый умный в роду, и тебе придётся постичь основы дипломатии. Ты научишься дружить с врагами и выставлять за дверь друзей, если этого захочет народ. Ты поднимешь оружие тогда, когда всё успокоится, но не для того, чтобы взбунтовать неокрепшие умы и пролить реки крови зазря, а только для того, чтобы освободить нашу землю от любых захватчиков! Не совершай ошибок своего деда Вахтанга. Никому не верь! И если угроза будет исходить от перса – убей перса! Если от лезгина – убей лезгина! Если от армянина – убей армянина! Если от русского – убей русского!

– Дядя Герсеван, вот ты говоришь одно, но делаешь другое. Мы не успели оправиться от разорения южными соседями, а ты уже зовёшь северных. Ты говоришь «убей русского», а сам едешь к русским?

– Да, хитрости политики – они такие непредсказуемые. Мы не всегда являемся хозяевами обстоятельств, но обстоятельства никогда не должны становиться нашими хозяевами. Русские услышат нас и придут, как это бывало много раз, и пока они будут оставаться на Кавказе, Ага-

Мохаммед не посмеет сунуться к нам. За это время мы окрепнем и встанем на ноги. Они научат нас воевать и оставят пушки. А потом, как всегда, уйдут.

– А если в этот раз не уйдут?

– Тогда ищи того, кто их сможет выпроводить! Персов, например... Ничего не бойся и делай то, что должен!

Когда княжич ушёл, Чавчавадзе стал готовиться в дорогу.

– Мариам! – позвал князь жену. – Распорядись, чтобы принесли мундир. Русский мундир, подаренный мне князем Потёмкиным! Я отбываю в Петербург!

Сержант Лисаневич простался со своими мушкетёрами. Со многими он сдружился в мушкетёрской роте, но лучшим другом его был молодой сержант Ваня Татаринцев. Хоть вместе в роте они прослужили и недолго, зато успели проникнуться взаимным уважением. Дед Вани, некогда грозный атаман Терского семейного войска Павел Михайлович Татаринцев, отдал с согласия родителей младшего, девятнадцатого внука в мушкетёры не только потому, что нынче Кубанский егерский корпус квартировал совсем недалеко от крепости Владикавказ, где родился и был воспитан Ваня, но ещё и потому, что в роду Татаринцевых не было ни одного мужчины, который бы не носил военную форму. Мальчику, едва ему стукнуло 12 лет, по мнению деда, пришло самое время взяться за оружие. Особенную зависть у Вани вызывала дедовская золотая именная медаль, полученная им в 1774 году «за долговременную его тридцатисемилетнюю службу во славу пограничных горских и прочих народов». С тех пор как маленький Ванюша прикоснулся к ней в детстве, у него появилась мечта получить такую же, а может, и две.

Теперь же предметом не меньшей зависти Ивана стала новая егерская форма его друга, скроенная на манер «венгерского платья». Вместо неудобного камзола Дима Лисаневич надел короткую зелёную куртку с чёрной выпушкой по краю полы, вместо шляпы – егерскую каску с вызелененной бляхой из белой жести. Зелёная шинель без подкладки с тесьмой, подшитой по краям, была перепоясана чёрной португеей. Чёрными были плюмаж, галстук, обшивка лопастей и кисти каски. На поясе висел удобный патронташ, в то время как у мушкетёров всё ещё оставались громоздкие, бьющие по рёбрам патронные сумки. Зелёные шаровары с чёрной выкладкой были аккуратно заправлены в чёрные яловые сапоги. Голову Лисаневича украшала чёрная кожаная каска с чёрной же выпушкой.

Предметом особого внимания стало оружие новоиспечённого егеря. Пистолет в медной оправе длиной в полтора вершка, который выдавался всем без исключения егерям, прицеплялся приделанным у головки кольцом за небольшой железный крючок с чёрным ремнём, пришитым к португее. Через плечо был переброшен чёрный кожаный ремень короткоствольного штуцера. Штуцер был без штыка и имел в длину 1 аршин и 3/4 вершка, с медным прибором, железным шомполом и огранённым снаружи стволом, имевшим не гладкий, цилиндрический, как у обыкновенной мушкетёрской фузеи, а винтообразный нарезной канал, образующий в разрезе восьмиконечную звезду.

В прикладе штуцера, сделанном из берёзы, на правой его стороне было выдолблено небольшое углубление вроде ящичка для железных инструментов, ввинчиваемых в шомпол: прибойной пуговки, пыжевика, отвёртки, а также пороховой мерки. Закрывался ящик деревянной выдвигной крышкой с железной пружинкой. Спусковой и зарядный механизмы были латунными.

Вместо изживших себя как эффективное оружие шпаг егеря носили кортики тринадцати с половиной вершков длины, которые в случае надобности надевались посредством желобка в левой или нижней стороне его рукоятки на пружину, прикреплённую у правой стороны штуцерного ствола.

Серебряный с синей шёлковой тесьмой эполет, закреплённый на левом плече камзола, свидетельствовал о принадлежности сержанта к Кубанскому егерскому полку, а четыре белых нити, нашитые на эполетах, указывали на то, что их новый хозяин был причислен к четвёртому батальону этого полка.

Распрощавшись, Дима Лисаневич пообещал своему другу походатайствовать перед командиром о переводе Вани Татаринцева из мушкетёрской роты в егерский батальон.

– А я уже битый час вас ищу, ваше благородие! – раздался голос позади юношей, когда они, пожав друг другу руки, обнялись на прощанье.

Ваня оглянулся и увидел старого егеря, с которым так жарко спорил по дороге в Моздокский лагерь.

– Ну что, попрощался, сержант? – панибратски похлопав по плечу Лисаневича, спросил Гаврила Смирнов. – Пошли, сынок, науку нашу егерскую постигать. Сегодня с нами занимается штаб-офицер подполковник Верёвкин. Будет показывать тактику, то есть учить нас понимать своё место в строю и свою задачу.

Место, куда привёл Сёмыч Лисаневича, находилось в полуверсте от лагеря около небольшого взгорка. К месту сбора со всех сторон стягивались солдаты в зелёных шинелях. Подполковник Верёвкин, молодой для своего чина человек, энергично расхаживал в ожидании сигнала трубача.

– Сержант Лисаневич! – коротко представился юноша, которого к командиру подтолкнул в спину Гаврила.

– Встанешь в голове роты! – коротко, без представления распорядился Верёвкин, видя, как трубач подносит к своим губам горн.

Раздался сигнал построения, и Гаврила, схватив Лисаневича за манжет рукава, увлёк за собой. Ещё недавно разрозненная, бесформенная масса людей в считанные минуты выстроилась в две шеренги попарно, примерно в двух саженьях пара от пары. Сегодня Верёвкин решил рассказать о главной особенности егерей – действиях в рассыпном строю.

– Для противника строй – это отличная мишень. Ружья у него прицельно бьют со ста шагов, а то и менее. Для конного врага, а здесь, на Кавказе, конница – основная сила, строй представляет быстро достижимую цель. Наши преимущества – это дальнобойность наших штуцеров, короткоствольность, а значит, скорая заряжаемость фузей, незаметность и, стало быть, меньшая уязвимость, кроме того, хорошая манёвренность. Егерь – это мушкетёр, артиллерист и казак в одном лице. У нас есть все типы оружия, которыми владеют перечисленные войска, а именно фузеи, пушки, пики и тесаки. Но у нас есть то, чего нет ни у кого, – штуцер! Сержант, – обратился Верёвкин к Лисаневичу, – подойди сюда и дай-ка своё оружие.

Лисаневич вышел из строя и снял с плеча штуцер.

– Вот скажите-ка, сержант, как вы будете использовать сие грозное дальнобойное оружие в бою?

– Бить противника! – выпалил юноша.

– А как именно? Вот представьте, летит на вас лезгинская конница! Видели ли вы когда-либо, как атакуют лезгины?

– Нет!

– Вот и не приведи Господь, хотя вряд ли нас минует чаша сия. Итак, на вас летит конная лава. Против кого вы примените свой первый, решающий выстрел?

– Выстрелю в ближнего кавалериста.

– Вот и неправильно, юноша. Объясню, почему. Убив одного наездника, вы его просто опрокинете с лошади, под копыта табуна, который его растопчет, но не остановится. На перезарядку у вас уйдёт какое-то время, и ваше счастье, если вы успеете сделать второй выстрел до того, как табун растопчет и вас, как того наездника, которого вы только что убили. Атакой всегда руководит или офицер, или командир. Задача штуцерников – бить начальствующего над

атакой врага. Задача рядовых егерей – бить по лошадям. Убив лошадь, вы повалите и человека. Многие при падении получают увечья, многих растопчут напирющие ряды задних кавалеристов. Когда падёт первый ряд лошадей, второй об него споткнётся. А если вы, господин Лисаневич, успеете убить офицера, организовать новую атаку будет некому. Кстати, вторую пулю, которую в таких условиях вы точно успеете зарядить, можете послать в самого инициативного из наступающих. Такие, как правило, могут возобновить атаку, увлекая за собой малодушных. Всё, конная атака сорвана. Спешенный кавалерист – это не воин, а жертва. У него нет навыков пехотинца, он не может организовать в эффективное построение, как то колонна, линия, каре. Запомните: кавалерист без коня не атакует, ибо не способен к атаке врага лицом к лицу, привыкнув в седле к своему превосходству в росте, будучи всегда прикрываем от пуль крупом лошади. И этого преимущества надобно лишить противника!

Мы, егеря, действуем, как правило, во флангах, отдавая фронт мушкетёрам, поэтому от нашего умения перестраиваться зависит обеспеченность этих самых уязвимых флангов. Сейчас займёмся перестроением и навыками стрельбы, а после перейдём к упражнениям по прицельной стрельбе. Сержант Лисаневич, возьмите свой штуцер и не забудьте пометить его – отныне это ваше именное оружие. По моей команде «врассыпную» разомкнуть строй и рассеяться по полю, держа в подкрепление рассыпанным некоторое число оставшихся в сомкнутом фронте. Оружие заряжать в положении лёжа.

Не успел Верёвкин отдать приказ, как всё пришло в движение. Все построения происходили беглым шагом. Рассыпались также мгновенно, в одну шеренгу, как после смыкали строй. Батальоном, в который попал Лисаневич, командовал майор Карягин. Вначале командир бесцеремонно таскал Лисаневича за собой за ворот куртки, на ходу указывая его положение в строю и помогая сориентироваться в обстановке. После, когда Лисаневич вошёл в ритм учений, Карягин перепоручил юношу его другу Котляревскому, который ни на шаг не отставал от своего командира, и со стороны могло показаться, что Котляревский служил адъютантом Карягина. Впрочем, на этих учениях у героя Анапы в лице Лисаневича стало на одного «адъютанта» больше.

Весь день до самой ночи егеря постигали суворовскую науку побеждать. Казалось, Верёвкин просто издевается над ними, заставляя лежать недвижно в небольших кустах по несколько часов. Лисаневич и Котляревский недоумённо переглядывались, и только распостёртый в грязной канавке рядом с ними майор Карягин своей неподвижностью убедительно доказывал правильность их действий.

– Наше дело – скифская война! – методично и спокойно объяснял им после Верёвкин. – Нам самим Богом предписано действовать в лесах, где мы сильны рассыпным строем. В амбусках²⁶ лежать надо тихо и хранить молчание, всегда имея перед собой патрули пешие впереди и по сторонам, неожиданно атаковать неприятеля с тыла, когда он вовсе бдительность потерял!

Как и обещал Верёвкин, с самого утра следующего дня начались стрельбы.

– Заряжай проворно, смело и с цельным прикладом стреляй! – на построении методично объяснял Карягин своим подопечным премудрости егерской службы. – Не пали почём зря! Помни, именно твой первый выстрел должен остановить противника, второй – замешкать его, а третий – обратить в бегство. Турки нас зовут «лёгкими бестиями». Знаете, почему? За лёгкость и скорость нашего манёвра. Мы – лёгкая пехота. У нас облегчено всё – мундир, оружие, – поэтому мы имеем возможность опережать противника в атаках и успеваем сделать лишний выстрел в обороне и два сверх мушкетёрских – в атаке. Положение кавказской земли таковое, что в случае военных операций пользоваться преимуществами лёгкой конницы, которая здесь есть единственным войском, совсем невозможно. Земля сия, состоящая из великих каменных

²⁶ Засадах.

гор, узких проходов и больших лесов, способна подчиниться только лёгкой и способнейшей пехоте.

Карягин подозвал шесть человек рядовых и выстроил их в двадцати шагах друг от друга. Невдалеке виднелся чёрный щит размером с человеческий рост.

– Там, – Карягин указал на щит, – ваш противник. Мушкетёрам выставляют мишень на сто шагов. Вы егеря, и посему я отдалил мишень на сто пятьдесят шагов. Вы должны сделать залп. Шесть пуль я должен вынуть из щита.

По команде Карягина солдаты произвели дружный залп. Котляревский, которого по случаю посадили в седло, поскакал к мишени за результатом. Вернувшись, сержант выпалил, растопырив ладонь:

– Пять!

– Неплохо! – похвалил подчинённых Карягин. – Не знаю, кто промахнулся, но задача всем прочистить ружья и тренироваться с прикладыванием.

Из строя вышла следующая шестёрка. Встав на колени, вскинув по команде ружья и прицелившись, солдаты уже готовы были грянуть единым выстрелом, как вдруг чёрный силуэт мишени пришёл в движение. «Залп!» – рявкнул Карягин. Ружья чихнули вразнобой.

Подъехав к мишени, Паша Котляревский обнаружил интересное сооружение. Между деревьев была натянута верёвка, к которой и был подвешен щит-мишень. Стоявший поодаль егерь быстро тянул вторую верёвку, привязанную к мишени, отчего та начинала передвигаться.

«Одно попадание!» – доложил вернувшийся с осмотра мишени Котляревский. Напротив него в седые усы усмехался Гаврила Сидоров. Это его пуля безошибочно поразила мишень. В отличие от молодых солдат, он хорошо знал все хитрости своего командира и был готов к ним.

– Берите с Сёмыча пример! – похвалил старого солдата Карягин. – Его пуля, уверен! Егерь должен быть готов к любым неожиданностям. Отныне стрелять будем только по движущимся мишеням.

Переведя взгляд на Лисаневича и Котляревского, Карягин продолжил:

– Вы, сержанты, возьмите команду солдат с инструментом и к завтрашнему дню насыпьте-ка с той стороны мишени земляной вал. Свинец – он не горох, в землю вгонишь – не вырастет. Будем добывать из вала отстрелянные пули и переплавлять их в новые. Отныне солдат должен стрелять только из своего ружья, чтобы изучить его особенности.

Пока Карягин занимался стрелковой подготовкой, за спиной у него Верёвкин принимал пополнение из рекрутов. Прежде всего, подполковник стремился придать им смелый, военный вид:

– Головы вниз не опускать, стоять станом прямо и всегда грудь вон, брюхо в себя, колени вытягивать, а носки врозь! Каблуки сомкнуто в прямоугольник держать, глядеть бодро и осанисто, говорить со всякой особою, и со мною особенно, смело. Когда он о чём спрашивает – отзываться громко, ногами не преступать, коленей не гнуть! Отступать от подлого виду и речей крестьянских. Вы – слава и гордость России, лучшие её сыны! Вы – русские солдаты!

Дотошный Верёвкин до ночи учил новоиспечённых солдат поворачиваться на месте. Сперва поодиночке, затем – вшестером, а после – шеренгой и тремя шеренгами. Поставив новобранцев через одного между старыми солдатами, их учили маршировать прямым и «косым» шагом, снимать шляпу, поворачиваться и ходить с оружием. Далее следовали премудрости зарядания и прикладывания поодиночке и в строю, стоя и с колена. Лишь после этого молодые солдаты попадали в руки Карягина и допускались к учебной стрельбе.

Свободные от занятий дни, которые выпадали при непогоде, у егерей уходили на добычу дичи в окрестностях. Карягин, Верёвкин, Лазарев – все любили это занятие и поясняли подчинённым необходимость охотничьих навыков:

– И это наше дело – дело егерей! Мы не должны ждать, когда повар нам щи сварит. Наша служба необычна, и питаемся мы тоже необычно. Оторванные от тылов, мы должны уметь обеспечить не только себя, но и другие пехотные и артиллерийские подразделения.

К вечеру, как правило, дичи добывалось столько, что хватало на несколько дней и егерям, и мушкетёрам.

Осенние дни 1795 года в Моздокском лагере прошли в бесконечной и, казалось, безостановочной муштре. К учениям егерей присоединился Тифлисский мушкетёрский полк, и командиры обоих подразделений отрабатывали приёмы совместных действий в атаке и обороне. Помимо наступления «через подразделение», чисто егерским приёмом было действие рассыпной шеренги стрелков, поддерживаемой резервом. При необходимости стрелки выстраивались в две шеренги, а их место занимали егеря из резерва. Кроме основных пехотных экзерциций, егеря должны были «проворно маршировать», строя четырёхрядную колонну; при этом «проворно заряжать, смело и с цельным прикладом стрелять»; уметь рассыпаться в одну шеренгу для стрельбы. Обычно же егеря строились в две, реже – в четыре шеренги и вели наступление с пальбой через плутонг²⁷, через дивизион или через ряд. Колонны должны были уметь «поспешно и твёрдо» двигаться и разворачиваться в линии, отстреливаться на ходу от иррегулярного противника.

Кроме стрелковой и строевой подготовки, войска Кавказского корпуса учились атаковать укрепления и быстро рыть траншеи для удержания захваченного места. Построенные в каре полки и батальоны отрабатывали движение «вольным шагом» и стрельбу, при которой первая шеренга никогда не садилась на колено.

При обычном для егерей построении в две или четыре шеренги на этих совместных учениях егерям Верёвкина и Карягина на этих учениях пришлось отойти от привычной тактики. В эти дни плутонги строились в три шеренги, так как построение фронта осуществлялось совместно с мушкетёрами. Темпы «обыкновенного» и «скорого» шагов в атаке соответствовали темпам гренадёр и мушкетёров – 80 и 120 шагов в минуту, и только егерями применялся так называемый «резвый шаг», или бег.

В конце учений, когда бездушное кавказское солнце, иссушившее степь, устало клонилось к горизонту, Карягин со своей ротой продемонстрировал перед мушкетёрами егерские построения и новые приёмы. Первый заключался в наступлении «через плутонг», когда половина плутонгов выбегала вперёд и образовывала цепь, а сомкнутые плутонги двигались в 60 шагах за цепью.

– Если оказалось, что в шестидесяти шагах из-за порохового дыма ничего не видно, то применяется другой маневр, – пояснял Карягин. – Егеря строятся в цепи, наступающие одна через другую. Задняя же половина плутонгов, то бишь третий и четвёртый ряды, по-прежнему двигается в сомкнутом строю. Там, где движение развёрнутой цепью невозможно, например в густом лесу, на болотах или в городе, егеря движутся друг за другом «змейкой».

Не успел Карягин договорить, как к нему на взмыленной лошади подъехал гонец.

– Послание от генерал-аншефа Гудовича! – кратко отрапортовал посыльный и протянул конверт. – Майору Карягину срочно велено явиться в Кизляр, в ставку!

Пока Карягин читал приказ, к нему подъехали Верёвкин, Лазарев и генерал-майор Савельев.

– Иван Дмитриевич, и вы здесь? – удивился Карягин, узнав ещё одного героя штурма Анапы.

²⁷ В русской пехоте XVIII века плутонгом называлось низшее подразделение, которое соответствует современному взводу. Деление по плутонгам применялось и в строю, и боевом порядке, в частности, солдаты стреляли плутонгами (залп всего подразделения, когда один ряд с колена заряжал, а другой стоя давал огонь).

– Ветры на Кавказе к зиме меняются, – с некоторой загадкой в голосе сообщил Савельев. – Гудович готовит большой парад, и нам быть во главе его. Я, собственно, за вами, Павел Михайлович. Прибыл из Астрахани, с предписанием вернуться в Кизляр в вашем сопровождении, милостивый государь, и подполковника Верёвкина. Третий и четвёртый батальоны Кубанского егерского корпуса должны выступить в ставку Гудовича не позднее двух недель. Полковник Лазарев позаботится об исполнении этого приказа, вы же поедете со мной в ставку. Гудович готовит кулак из проверенных в деле подразделений. Правда, для каких целей – говорить пока не велено. Однако же Кавказ более таким не останется. Поменяется всё. Главное – горские народы узнают, что мир и согласие ведут к процветанию.

– Что ж, на рассвете выезжаем! – с нескрываемой радостью согласился Карягин. – А пока извольте в мою палатку – поделитесь столичными новостями.

Иван Васильевич Гудович склонился над картой Кавказа. Его мысли всецело были заняты одной проблемой: только что Россия своим невмешательством проиграла всё Закавказье. Отчасти в этом был виноват и он, как начальствующий Кавказской линией и военным корпусом. На столе поверх карты лежали письма. Их было много, и исписаны они были разными почерками и на разной бумаге. Казённая, с гербом и резким парфюмом – письмо от самой императрицы, с требованием начать сбор армии для отмщения хищному Ага-Мохаммед-хану за его наглый набег на подвластные России территории. Сбор-то он, пятидесятичетырёхлетний генерал-аншеф, герой Хаджибея и Анапы, фактически губернатор Кавказа, начал задолго до упомянутого приказа, так как и без напоминаний, идущих слишком долго по бесконечным дорогам России, понимал, что удар персидского шаха в подвздошину империи – это проверка боеспособности русской армии у южных рубежей государства. И удар этот Россия пропустила!

Ниже на синем листе бумаги лежало послание от царя Ираклия II, заканчивающееся словами: «Если бы я не надеялся на помощь России, то через других приглашённых войск вооружились бы мы или другим способом сохранили наше царство, но мы были уверены во вспомоществовании от высочайшего двора и от Вас...» Письмо было датировано мартом 1795 года, когда до разорения Грузии оставалось полгода. В то же время к Гудовичу на приём напросился «посол Великого шаха Персии Ага-Мохаммеда». Командующий Кавказской линией приказал тогда прогнать в шею этих приспешников «мнимого шаха». Он хорошо знал Восток! Он отлично знал Кавказ! Здесь уважаема только сила! Сила и ничего, кроме силы! Все достижения и достоинства человеческие, высота разума и полёт мысли, все умозаключения и стройные политические ходы здесь обращаются в прах перед мелкой обидой дикого правителя, перед примитивным мировоззрением себялюбивого слепца. Тогда сабля в руках становится самым весомым и действенным аргументом против любой искры человеческого сознания, любой самой человеколюбивой и справедливой мысли.

Что мог сделать Гудович для царя Ираклия? Отправить двадцатитысячный корпус в Тифлис? Да по всей Кавказской линии от Чёрного моря и до Владикавказа в его подчинении было не более пяти тысяч боеспособных человек регулярного войска. Даже если к ним прибавить несколько тысяч казаков, всё равно это не обеспечило бы Ираклию требуемого им количества людей. Тем более что послать все имеющиеся под рукой войска было равнозначно провалу всех заделов России на Кавказе. Обнажив Линию ради непоследовательного в своих решениях союзника, генерал рисковал открыть ворота для новых набегов ногайцев и лезгин с Каспия и удара турок со стороны Чёрного моря. Подобного Гудович как главнокомандующий Кавказской пограничной линией допустить не мог. Тем более обеспокоенность Ираклия II активностью Ага-Мохаммед-хана началась задолго до случившегося. Целых два года, начиная с 1793 года и поныне, картли-кахетинский царь заваливал стол Гудовича донесениями о том, что со дня на день персидский самозванец вторгнется в пределы его царства! Царь всё уповал на Георгиевский трактат 1783 года, согласно которому Россия обязывалась содержать

свои войска на подвластных ему территориях, памятуя даже то, что, согласно второму сепаратному артикулу трактата, для защиты территорий Картли и Кахетии Россия обязалась содержать два батальона пехоты при пушках. Но ведь только для защиты! Ираклий же за четырёхлетнее пребывание российских войск в его землях не раз пытался привлечь эти войска против своих врагов, ведя наступательные действия, на что князь Потёмкин точно не подписывался.

В том же 1793 году Ираклий просил его, Гудовича, посодействовать... принятию его царства в подданство России. Этим прошением царь то ли признавал недействительность Георгиевского трактата, то ли хотел заключить новый договор на иных условиях, которые бы гарантировали безопасность его территорий. Жалобы продолжали сыпаться, но нападения персов на Грузию не случилось ни в предыдущем году, ни в следующем. И Гудович, занятый укреплением и без того слабой Кавказской линии, с должным вниманием к прошением грузинского царя не отнёсся.

Покидая пределы Грузии в 1787 году, русские войска оставили Ираклию 12 пушек – подарок Екатерины II, которые были установлены на стенах Тифлиса. Это треть всей артиллерии города! И Гудович хорошо понимал, что вопрос защиты города и царства был решён не малочисленностью или превосходством артиллерии, а тем, что из этих пушек просто некому было стрелять по армии персидского шаха. Ираклий просил помощи России, но не смог собрать армию даже из подданных своих сыновей. А один из сыновей, Александр, вообще выступил против отца. Ираклий просил помощи у России, а сам накануне Крцанисской битвы вместо того, чтобы стянуть войска к своей столице, предпринял поход против Гянджи. Затем, сумев вступить в военный союз с имеретинским царём Соломоном, Ираклий совместными силами готов был дать бой персам у границы своего царства в казахском магале, близ реки Инджа и не пустить врага в свои владения. Но интриги царского дома и малочисленность армии заставили Ираклия вернуться к стенам родного города, где он надеялся собрать более многочисленную армию, отправив нарочных к своим сыновьям и внукам. Но на его призыв откликнулись далеко не все дети. В отличие от нерадивых потомков картли-кахетинского царя, имевших возможность быстро собрать войска и объединиться с отцом, у Гудовича такой возможности не было. При этом он понимал, что оставить Ираклия без поддержки – всё равно что подарить всё Закавказье Персии. Ведь престарелый, уставший от войн и разорений царь в ответ на предложения захватчиков вступить с ними в военный союз против России – а такие предложения были, и Гудович о них знал, – может дать и положительный ответ. Этого допускать было нельзя, и Гудович приготовил два письма, предназначавшихся царям: одно – императрице российской Екатерине II с планом нового персидского похода, второе – царю Картли-Кахетинского царства Ираклию II с советом «переговорами выиграть время и, в крайнем случае, согласиться на отдачу шаху белого алмаза и часов», речь о которых пойдёт ниже.

Вторжение Ага-Мохаммед-хана было как нельзя некстати: Россия в это время как раз проводила операцию по усмирению польского восстания под предводительством Косцюшко, и взять даже одного лишнего солдата было неоткуда. Тем не менее, на свой страх и риск, без согласия императрицы, а руководствуясь исключительно артикулами Георгиевского трактата, генерал направил на перевалы Кавказского хребта полковника Сырохнева с двумя батальонами пехоты, тридцатью казаками и шестью пушками. Это были единственные на тот момент войска, которые мог выделить Гудович царю Ираклию II.

Узнав о движении русских войск, Ага-Мохаммед-хан под благовидным предлогом как-то очень быстро покинул Тифлис, но, тем не менее, продолжил переговоры с побеждённым им царём Ираклием, укрывшимся в ущельях Арагвы в местечке Душет. Посыльный шаха передал царю мирные условия, надеясь в последний момент использовать обиду на русских за неокказание своевременной помощи против них же самих. Шах требовал признать свою вассальную зависимость от Ирана, выдать для расправы всех армян, а также в качестве аманатов – одного из царских сыновей. Кроме того, шаху не давали покоя две вещи: большой белый алмаз

и часы, подаренные Ираклию князем Потёмкиным при подписании Георгиевского трактата. В обмен на часы из зала Совета в Тифлисском царском дворце и драгоценный камень Ага-Мохаммед-хан предлагал отпустить тридцать тысяч пленных и силами своей армии отстроить Тифлис.

Считая своё положение безвыходным, Ираклий уже готовился дать положительный ответ, когда узнал о подписании Екатериной II указа о начале подготовки карательного похода против кастрированного шаха-самозванца. Да и сам шах как-то больше не проявлял агрессии ввиду приближающейся зимы. Его войска настолько рьяно уничтожали всё, включая посевы, грядки и виноградники, с таким остервенением разрушали постройки, что перед Ага-Мохаммед-ханом и его армией начала маячить грустная перспектива голодной и холодной зимы.

Та же невесёлая перспектива, к слову, очень скоро стала вырисовываться и у экспедиционного корпуса русских под началом Сырохнева. Накануне отправки русских батальонов из Кизляра, где располагалась ставка Гудовича, царь Ираклий заверил генерала, что он, несмотря на разорение, готов обеспечить двадцатитысячную русскую армию всем необходимым. Это был крик души: дайте только войска, и всё будет! И действительно, у посланных русскими батальонов это «всё» выглядело так: размытые осенними дождями дороги не позволили обеспечить нормальный подвоз продовольствия и фуража с Кавказской линии; разорение Закавказья не позволило нормально снабжать армию местными продуктами. В результате русские солдаты вынуждены были жить впроголодь. Достать хлеба невозможно было даже по ценам, завышенным в пятьдесят раз. Хлеба просто не было! Полковник Сырохнев, зная своих интендантов и не веря им до конца, вынужден был лично объезжать селения и буквально вымалывать продукты. Солдаты своими силами кое-как отстраивали самые крупные постройки Тифлиса, чтобы просто иметь крышу над головой. Ни о каких удобствах даже речи быть не могло. Царь Ираклий, щедрый на обещания, так и не сумел их выполнить. Но надо отдать ему должное, как царь он выполнил одну из своих функций: пусть даже с помощью чужой армии, пусть и с запозданием, но всё же он сумел защитить свой многострадальный народ от дальнейших посяганий персидского шаха.

О выводе русских войск из Закавказья в 1787 году ходило много слухов и домыслов. Споры не утихали многие годы. Кто-то считал выход русских войск из Грузии тайной политикой России, которая не хотела привлекать своих врагов на грузинские земли и тем самым создавать новый фронт, который придётся защищать и удерживать, кто-то всё свалил на Ираклия II, подписавшего за спиной России мирный договор с Османской империей. Истинную причину вывода знали только трое: российская императрица Екатерина II, картли-кахетинский царь Ираклий II и он, Гудович. А причина была проста и прозаична. Тогда, как и сейчас, грузинский владыка не сумел обеспечить едой русские батальоны. Войска России ушли из Закавказья из-за угрозы голода, покинув одни из богатейших и плодороднейших земель мира. Сам Гудович расценил это событие как хоть и не прямое, но всё же предательство со стороны Ираклия!

Во всей этой ситуации командующего Кавказской пограничной линией, который очень болезненно пережил разорение Грузии, поражало одно: Тифлис отстоять не сумели, а вот алмаз и часы вывезти время нашлось. Впрочем, и здесь генерал отыскал причины произошедшего. Царица Дарья отбыла из Тифлиса за два дня до падения города, спровоцировав массовое бегство. Она-то и позаботилась о ценностях. Причём корону и скипетр – подарок Ираклию II от Екатерины II – она всё-таки прихватить не успела, и атрибуты царской власти вскоре оказались в руках Ага-Мохаммед-хана.

Пока Гудович был погружён в свои невесёлые мысли, в столице Российской империи события развивались молниеносно. После получения в Петербурге рапорта генерала Гудовича от 23 сентября 1795 года о нападении Ага-Мохаммед-хана на Тифлис сенатский совет 18 октября постановил изгнать персов с Южного Кавказа, совершить и «дальнейший поход, если

генерал Гудович найдёт нужным». Месяц спустя в рескрипте на имя генерала Гудовича императрица поставила задачу: «опрокинуть скопище Ага-Магомет-хана поражением и преследованием, искоренить властителя сего, если дерзнёт он до конца противиться пользам и воле нашей».

Заканчивался ноябрь этого тяжёлого года. Два наиболее боеспособных батальона Кубанского егерского полка – 1-й и 2-й – Гудович только что отправил в Закавказье на помощь царю Ираклию. Это должно было успокоить Кавказ, но на востоке, на берегах Каспия, забрезжила новая проблема, с которой нельзя было тянуть. Генерал не хотел больше повторения тифлисской резни.

А события в столице России – Санкт-Петербурге – развивались стремительно. Герсеван Чавчавадзе, казалось, поселился в Зимнем дворце. Он присутствовал на всех заседаниях и вёл отдельный протокол, который сразу по окончании мероприятий у царицы Екатерины немедленно доставлялся царю Ираклию.

Русскому правительству было понятно, что после своих кровавых подвигов вдохновлённый слабым сопротивлением шах выполнит обещания и весной вернётся в Грузию и прикаспийские области – расширять свои владения и устанавливать свою власть над каспийским побережьем. Это грозило не только потерей контроля над огромными территориями, но и страшным ущербом престижу империи. Слабость в отношении Персии могла пагубно сказаться на поведении кавказских горцев и независимых доселе ханств. Было решено предупредить новое вторжение персов.

Ещё 8 января 1796 года командующий войсками на Кавказской линии генерал Гудович получил распоряжение императрицы: «Войска для занятия Дербента, всего Дагестана и взятия Баку назначаемые, снабдить по крайней мере на три месяца провиантом, а затем, по обстоятельствам, доставлять в дополнение, для чего устроить подвижный магазин, к укомплектованию оного людьми доставить в Георгиевск 1 т. человек рекрут из Малой России. Сверх того иметь при сих войсках для 20 т. человек на один месяц сухарей 27 500 пуд и круп 3750 пуд на вьючных верблюдах. Покупку их произвести на Оренбургской линии, в Кавказской губернии, на Дону и в Тавриде. И как каждый верблюд поднимает 27 1/2 пуд, то и нужно оных 1200. К двум по одному вожатому взять из Трухменцев, Калмыков донских, белевских, дербентских и прочих людей к сему сродных».

В то же время было дано повеление генерал-прокурору Самойлову «из состоящего в сельских запасных магазинах Саратовской, Симбирской, Казанской и Вятской губерний зернового хлеба, обратив оный в муку, доставить наймом, водою, в Астрахань, по первому вскрытию вод, 70 т. четвертей с пропорцией круп и 40 т. четвертей овса; а чего недостает в наличности, в то число искупить немедленно».

Приготовления к войне делались основательные, что свидетельствует о полной серьезности намерений. И самое деятельное участие в этих приготовлениях принимал граф Самойлов. 19 февраля Екатериной был дан рескрипт Валериану Зубову, обосновывавший причины войны. Но решение Екатерины о назначении командующего армией, которая должна была войти в Закавказье, принято ещё не было.

Пересматривая корреспонденцию, которую он считал наиболее важной, генерал Гудович наткнулся глазами на письмо от 20 февраля 1794 года. Это был протокол заседания Государственного совета об утверждении принятия Дербентского Шейх Али-хана в подданство России. Несмотря на то, что хан лично не присягнул России в верности, он целовал Коран и клялся, что сделает это при первом же удобном случае. Правителю Дербента в ту пору шёл семнадцатый год.

Раздался стук в дверь. Гудович поднял глаза и увидел нескольких офицеров, вошедших к нему.

– Садитесь, господа! – тоном, не терпящим возражений, произнёс генерал. – Я пригласил вас сюда, чтобы объявить волю матушки нашей государыни-императрицы Екатерины. Уповаю на просьбы Шейх Али-хана дербентского о посыле ему помощи против коварного персидского скопца Ага-Мохаммед-хана, приказываю вам, генерал-майор Савельев, принять начальство над отрядом пехоты при орудиях и как можно скорее выступить на Дербент. Найдя там шейха Али-хана, сообщите ему, что прибыли по его просьбе для защиты Дербента от посяганий злобного персидского скопца. Двумя батальонами егерей, при вас состоящих, командовать будет подполковник Верёвкин. Артиллерией – майор Ермолов. С ним вы познакомитесь в дороге. Письменные распоряжения получите к вечеру. Можете быть свободны. Попрошу лишь задержаться вас, майор Карягин.

Казалось, Савельев ожидал такого оборота дела. Он тут же вскочил и быстро вышел за дверь. Верёвкин, обрадованный тем, что наконец-то его егерям найдётся настоящая работа, но слегка раздосадованный тем, что не ко времени, на зиму глядя, получен этот приказ, последовал за генералом.

Оставшись наедине, Гудович поинтересовался состоянием здоровья Карягина, после чего произнёс:

– Для вас, Павел Михайлович, задание будет потяжелее. Сдадите свою роту человеку соответствующего чина и отправитесь вместе с передовым отрядом. Зная и ценя ваш опыт и знания, решил послать вас в прикаспийские земли со следующим. В случае если что-то пойдёт не так, как нам нужно, следует проникнуть в город и разведать о нём всё: настроение жителей, есть ли ходы подземные, каковы военные запасы, и самое главное – заручиться поддержкой некоторых из влиятельных чинов города с тем, чтобы открылись они нам и прекратили сопротивление. Ежели всё пойдёт гладко, и Дербент без сопротивления откроет нам свои ворота, в составе войск генерал-майора Савельева вступите в город. В этом случае особых миссий на вас не возлагаю. Да, и ещё: неплохо бы подыскать человека из местных, знающего языки здешние и края, притом верного и честного.

– У меня есть такой человек, господин генерал, – ответил Карягин. – Мальчик-армянин. Я его знаю ещё по первейшему нашему пребыванию в Грузии.

– Вы побывали в Закавказье в составе войск Булгакова?

– Довелось побывать!

– И что вы думаете о теперешнем положении Кавказа?

Но на этот вопрос Карягин ответить не успел. За его спиной выросла крепкая фигура майора-артиллериста.

– Разрешите представиться: майор Ермолов!

– Почему без стука? Кто впустил? – побагровел Гудович.

– Так вызван же по срочному делу. Ждать не стал, сам вошёл! Если срочно, чего ждать?

– Приглашения! Что за вольность? Привыкли у Потёмкиных да Румянцевых к бардаку!

Но я не позволю разводить бардак, пока ещё являюсь начальствующим над Кавказской линией лицом! Здесь важные дела решаются! И лишние уши мне в моём кабинете не нужны!

– Я не из тех, кто подслушивает! Хотел быть нужным!

Гудович встал, перевёл дух и, уже обращаясь к Карягину, произнёс:

– Вы свободны, майор. Договорим с вами о наших делах позже.

Когда дверь закрылась, в кабинете Гудовича послышались крик и ругань. Это генерал-аншеф распекал своего подчинённого и знать не знал, что он, нынешний покоритель Кавказа, распекает покорителя Кавказа будущего. Не знал он, что готовящийся им Персидский поход станет последним военным действием России эпохи Екатерины Великой. Не мог знать, что готовая вот-вот начаться на Кавказе война не будет иметь конца.

Неожиданно за дверью настала тишина. Вывалившийся в коридор покрасневший майор-артиллерист, сжав кулаки, только и смог произнести:

– Свинья!

– Нельзя так о начальстве! – осадил его Карягин. – Гудович заслуженный вояка: брал Хаджибей и Анапу! Вы горячи, майор, и любите справедливость, как я погляжу. Скажу вам одно: ваша прямота похвальна. Солдаты вас будут любить и уважать, но вот скорое продвижение в чинах вам не грозит!

Ермолов осмотрел майора в егерской форме.

– Павел Михайлович Карягин! – представился тот. – Сужу по себе: сам такой! Потому что и в майорах хожу. За что и солдаты меня любят. Вот так вот – грудь в крестах, а в званиях не вырос.

Артиллеристу импонировала простота егерского офицера, равного по званию. Он улыбнулся и протянул руку:

– Алексей Петрович Ермолов! Из московских дворян. Только что из Петербурга. Принимал участие в Польском походе. Вернулся в столицу вместе с Александром Васильевичем Суворовым...

– Мой учитель! – прервал его Карягин.

– И мой также! – обрадовался Ермолов.

По первому впечатлению от этого восемнадцатилетнего мальчишки казалось, что обладает он неуёмной энергией, не боится ничего и никого, по-мальчишески искренен и верит в высокие порывы человеческой души. Он был переполнен новостями, и на вопрос Карягина о состоянии здоровья любимого обоими генералиссимуса Ермолов, со свойственной всем юношам простотой, выпалил:

– Десять лет назад по возвращении в столицу после наказания ногайцев Александр Васильевич, желая порадовать жену, сразу по приезду прямо среди ночи входит в её спальную комнату и застаёт супругу в объятиях некоего капитана Сырохнева, человека, которого он пригрел у себя в доме и верил ему как брату. Сырохнев был писанным красавцем, молодым литератором, автором этнографических исследований, который помогал Александру Васильевичу править «Науку побеждать». Об этой истории шумел тогда весь Петербург. Ныне же, после Польского похода, матушка-императрица попросила его возглавить войну против Ага-Мохаммед-хана. Он вначале согласился, но узнав, что его давний обидчик служит здесь под началом Гудовича, наотрез отказался принять армию.

– Жаль! Старый-то обидчик Суворова за Кавказским хребтом. Они бы и не встретились! Под чьим началом служили?

– Моим командиром в Польском походе был брат фаворита императрицы нашей, Валериан Зубов.

– Слышал об отчаянной храбрости сего смельчака!

– Он был настоящим командиром, хотя Александр Васильевич его недолюбливал, считая выскочкой. Брат, мол, помог. Я же служил с ним и иного мнения об этом человеке. На моих глазах он лишился ноги. Мы шли тогда на Варшаву. Авангардом командовал граф Валериан Зубов. Как человек в крайней степени решительный, он быстро расчистил дорогу для соединения основных сил с Суворовым в назначенное время. Поляки быстро отступали перед Зубовым, который шел за ними по пятам. Перейдя Буг, неприятель стал разрушать мост у местечка Попково. Наши казаки, шедшие впереди, были остановлены неприятельской артиллерией, бывшей с противоположного берега. Зубов, посадив свою пехоту на обозных лошадей, прискакал к переправе. Я тогда был при нём и получил приказание под выстрелами неприятеля кинуться вперёд и сбросить в воду работников, разрушавших мост. Приказ был выполнен под ядрами и пулями противника. Это было последнее приказание Зубова в ту кампанию: подойдя вплотную к переправе и пренебрегая собственной безопасностью, он руководил атакой на мост. Эта опрометчивость дорого обошлась герою: ядром ему оторвало ногу. Зато корпус на следующий день вовремя соединился с Суворовым, прорвав третью и последнюю линию обороны поляков.

Теперь же, познакомившись с нашим начальником, я ещё более жалею о том, что Суворов не принял Кавказский корпус. Эдакий фанфарон, этот генерал-аншеф Гудович будет руководить столь сложным делом. Впрочем, в столице поговаривают, что затеянное Гудовичем заканчивать будет не он!

– Кто же, если не секрет?

– Не знаю. Наше дело маленькое: есть приказ, стало быть, нужно готовиться к выступлению. А под чьим началом – то Бог покажет!

Ермолов хитрил: он уже знал имя будущего руководителя компании.

– И каковы, позвольте полюбопытствовать, размеры нашей артиллерии в будущем походе? – продолжил расспросы Карягин.

– Невелики, но, построенные по новому принципу, весьма эффективны.

– Военная новинка? Интересно! Продолжайте, любезнейший Алексей Петрович!

– В Петербурге, в артиллерийском мире я нашёл диковинку, занимавшую всех артиллеристов: конно-артиллерийские роты, о которых уже несколько лет ходили толки, усилиями генерал-фельдцейхмейстера князя Платона Александровича Зубова наконец-то были сформированы. Мне кажется, что стоит вам пояснить, в чём была новизна этого типа артиллерийских формирований. Дело в том, что сама по себе конная артиллерия возникла во Франции ещё в XVI веке. В русской армии её культивировал Петр. Она отличалась от пешей артиллерии, где орудия тоже тащили лошади, тем, что орудийная прислуга ехала верхом, а не шла рядом с пушками и не сидела на передках, увеличивая вес орудий. Это делало конную артиллерию стремительной и манёвренной. Но главное не это. Появился новый принцип организации войск с помощью артиллерийских рот. Ещё в сентябре 1794 года Зубов испросил разрешения императрицы на формирование пяти конно-артиллерийских рот. Реально же эти роты только-только начали формироваться.

Одна из них будет придана корпусу и вверена мне в командование. Если, конечно, генерал-аншеф Гудович не пойдёт против воли Зубова. Ведь, не скрою, благодаря его протекции мне выпала честь испытать новое формирование в боях.

До сего дня существовала одна-единственная конно-артиллерийская рота в гатчинских войсках наследника Павла Петровича, которой командует капитан Аракчеев.

Создание Зубовым конно-артиллерийских рот как самостоятельных боевых единиц было попыткой упорядочить и сделать рациональной структуру русской артиллерии. Ведь в нашем любимом роде войск царит сплошной хаос. Полевая артиллерия состоит из полков бомбардирских и канонирских, разделённых на батальоны, которые в свою очередь делятся на роты. Непонятно, почему эта организация удерживается, когда она только усложняет переписку, не принося никакой пользы, и лишает начальника возможности не только управлять, но и видеть свои части. Штаб бомбардирского полка, в котором я числюсь, находится не где-нибудь, а аж в Казани, один его батальон стоит лагерем на Охте, а рота того же полка ныне послана в Тирасполь. Артиллерийские батальоны и роты перепутаны по всей России. При составлении отрядов для военных действий назначаются артиллерийские роты, которые могли бы поспеть на сборный пункт, зато орудия назначаются больше по вдохновению, не соображаясь ни с численностью отряда, ни с числом артиллерийских рот. В кампании 1794 года едва приходилось по пять человек на орудие, а сейчас выделено едва ли не по двадцать.

Но этим неустройство не ограничивается. Артиллерию отрядные начальники разделили на команды по 3, по 4, по 6 орудий. Иногда их число доходило до 10. Команды, снабжённые орудиями, поступали под начальство или ротных командиров, или бывших старших офицеров, сверхкомплектных капитанов, иногда же мимо капитанов начальник отряда давал их поручикам. Случалось, что ротный командир, распределив людей по командам, не имел для них ни одной пушки. Команды также не составлялись из людей одной и той же роты; бывали случаи, что они принадлежали трём различным.

Конно-артиллерийская рота мыслилась единым постоянным организмом с постоянным командиром, что, естественно, должно повысить её боеспособность. Это в намечающемся походе и должно провериться. Новые формирования как нельзя лучше приспособлены к тому типу боевого манёвра, который более всего импонирует мне, – маневра стремительного, неожиданного, дерзкого. В конно-артиллерийские роты, любимое детище и предмет гордости Платона Зубова, назначаются офицеры, которые приобрели военную репутацию, георгиевские кавалеры, люди с протекцией и красавцы.

– Вы вполне отвечаете всем этим признакам! Что же вы не остались в Петербурге?

– К сожалению, к моменту моего возвращения из Италии столичные роты были укомплектованы, а здесь всё только начинается. Мне, боевому офицеру, скучающему на придворных балах, оставалось одно – отправиться на ближайшую войну добровольцем.

– Честь за это вам особая. Я знаю многих офицеров, готовых поменяться с вами местами и ищущих причины отбыть в столицу. Тем более рад, что нам придётся служить вместе!

Глава 4 Дербент

*Повсюду стук, и пули свищут;
Повсюду слышен пушек вой;
Повсюду смерть и ужас мечет
В горах, и в долах, и в лесах;
Во граде жители трепещут;
И гул несётся в небесах.*

М. Ю. Лермонтов, «Черкесы»

Гудович с нетерпением ожидал реакции Петербурга на его идею овладения всем Закавказьем посредством военной операции, направленной против вероломной Персии. Наконец-то 16 ноября 1795 года курьер доставил ему ответ от самой императрицы Екатерины II: «Донесение ваше, о выходе войск Ага-Мохаммед-хана из Тифлиса в Ганжу, об отзывах к вам царя Ираклия Теймузаровича и хана Аварского, о приготовлениях, чинимых вами для перехода войск чрез горы Кавказские, и о посылке в Кахетию двух батальонов пехоты и 6 орудий в первых числах ноября, мы получили в 15-й день сего месяца, и потому учиненные вами распоряжения одобряя в полной мере, возобновляем вам войска обращать лучшим усмотрением вашим по обстоятельствам». Далее императрица, прекрасно разбиравшаяся в военном деле, рекомендовала, какими силами и где наносить удары по войскам Ага-Мохаммед-хана. Она разрешила послать на выручку царю Ираклию пехотные батальоны, и Гудович особо порадовался своей прозорливости и дальновидности, так как два батальона егерей ещё до получения высокого рескрипта из столицы уже преодолели перевалы и вступили в пределы Кахетии. Но больше всего радовало то, что императрица развязала ему руки, и он мог действовать самостоятельно. План Персидского похода, разработанный им, перешёл в фазу реализации.

Незамедлительно Гудович отдал приказ готовить отдельный отряд для отправки в Дагестан. В последних числах ноября 1795 года 3-й и 4-й батальоны Кавказского егерского корпуса, 2 батальона Московского и Кавказского мушкетёрских полков при шести орудиях, 100 моздокских, 100 гребенских, 200 терских казаков; 160 человек легионной команды во главе с генерал-майором Савельевым получили приказ Гудовича выступить из Кизляра в поход на Дербент. По дороге с отрядом Савельева должны были соединиться несколько сотен калмыков. Время, выбранное для похода, было наименее удачным, но при имеющихся у Гудовича сведениях медлить было нельзя. Разрозненные обстоятельства, как ему казалось, сложились в единую картину, и нынешнее выступление никто не посмеет рассматривать как агрессию. Дербентский Шейх Али-хан ещё два года назад отправлял Екатерине II посланника с письмом-просьбой о принятии Дагестана в состав России. И вот сейчас, когда с юга Дагестану угрожает опасность в лице Ага-Мохаммед-хана, но при этом нанести удар он не может, так как зима надёжно закупорила кавказские перевалы, а дербентский правитель сам выявил желание присягнуть России, снимая угрозу со стороны Каспия, Гудович принял, как ему казалось, единственно правильное решение. К весне, согласно его плану, русские батальоны, укрепившиеся в городе, сумеют организовать оборону. Да и само присутствие егерей в Дербенте должно если не отпугнуть, то, по крайней мере, посеять сомнения в душе Ага-Мохаммед-хана в правильности его намерений. Кроме того, было и ещё одно соображение. Дербент должен был стать опорным пунктом для егерей, которых можно быстро перебросить через кавказские перевалы. Присутствие русского гарнизона в Дербенте являлось бы сдерживающим фактором для всего каспий-

ского региона. Под контролем России оказывались бы Бакинское, Шушинское, Шамаханское, Кубинское и Гянджинское княжества. А в случае надобности всегда можно было успеть отправить сильное армейское подразделение в Грузию в подкрепление двум батальонам Сырохнева, которые, по сведениям Гудовича, уже добрались до Тифлиса.

Исходя из этих соображений, отряд генерал-майора Савельева пришлось отправить немедленно. Стоявшие на Кавказской линии небывалые морозы задержали переправу Савельева через Терек, и он смог выступить из Кизляра только 19 декабря 1795 года, имея при себе продовольствия всего на два месяца.

Несмотря на то, что Гудович заранее рассчитал силы и начал подготовку, не дожидаясь распоряжений из столицы, запас дров, заготовленных для дальнего похода, закончился уже на середине пути. На редкость многоснежная и холодная зима не позволила отряду Савельева выдержать темп, и вскоре русские войска испытали на себе все сложности зимнего похода. Офицеры, видя бедственное состояние солдат, решили разделить свой рацион с подчинёнными. В одну из холодных ночей Савельев приказал раздать всё вино из офицерских запасов. И хотя вышло не более 50 граммов на душу, солдаты были благодарны своим отцам-командирам за проявленную заботу. На следующий день в отряде узнали, что прошлой ночью были сожжены последние дрова, и фуражиры не смогли найти в окрестностях и единой хворостинки.

На помощь пришёл новый проводник отряда – армянин Вани. Он рассказал Карягину, как согреваются зимой местные жители, указав на смёрзшийся навоз, который здесь называли кизяком. К удивлению русских солдат, кизяк хорошо и долго горел. К вечеру в лагере вырос настоящий террикон нового горючего. Благодаря смекалке армянского мальчика русский отряд был спасён от холода. У одного из таких костров, рядом с палаткой традиционно радушного Карягина, собрались молодые офицеры и старые солдаты. К костру подсел и Вани, которого Карягин продолжил учить русской грамоте. Долго сидели молча. Немного согревшись, Карягин стал вслух размышлять, вызывая на разговор армянского мальчика:

– Скажи, Вани, а почему вы, армяне, так тянетесь к России?

– У нас одна вера.

– Только поэтому?

– Нет. Когда вы приходите, наступает мир. Солдаты всех армий мира приходят на чужие земли за добычей. А вы, русские, не просто ничего не берёте, а ещё и заботитесь о нас.

Карягин минуту подумал и, взглянув на звёздное небо, ответил:

– Русские – это не просто народ, это мировоззрение. Здесь на Кавказе всё подчинено грубой силе. Оно и понятно: суровые условия выживания заставляют здешних людей быть жёсткими и с детства отстаивать право на жизнь. Россия другая. Она необъятная, и там не надо биться с соседом за клочок земли. С соседом нужно уметь поладить и извлечь выгоду из доброго отношения друг к другу. Русским человеком правит любовь, он научился покорять сердца окружающих его людей добротой и уважением, любовью и вниманием. На Кавказе же выгоду можно извлечь только тогда, когда разрушаешь окружающий тебя мир. Сосед живёт лучше – значит, его нужно ограбить! Здесь правит закон: всё лучшее должно стать моим, даже если мы станем врагами. В России другой закон: всё лучшее я готов отдать тебе, главное, чтобы мы остались друзьями. Русские люди сделали любовь инструментом развития нации. Более того, мы, как можем, учим любви окружающие народы, показывая на деле, что не братоубийством, а добрыми помыслами за одно и то же время – одну человеческую жизнь – можно добиться большего. А любовь порождает совесть. Начинаешь сомневаться иной раз, а правильно ли ты поступил, не обидел ли кого своим словом и делом? А вот совесть имеет такое свойство: она не направлена выборочно на кого-то, она всеобъемлющая. Я не могу поступать со своим соплеменником по совести, а с инородцем бессовестно. Если сердце моё открыто – оно открыто для всех: женщин и мужчин, стариков и детей, к простому солдату и к государыне-императрице в равной степени. Я не могу, любя русскую женщину, поднять руку на женщину армянскую или

грузинскую. Я не смею убить чужое дитя, ибо не я ему жизнь даровал, так вправе ли отбирать её? И персидский ребёнок, и русский, и армянский – равно как дети других незнакомых нам земель – рождаются одинаково голыми, признающими лишь один язык – голос матери, верящими не в Господа и не в Аллаха, а в ту, что подарила им жизнь. И эту первородную любовь важно не утратить на протяжении жизни, а нести её под сердцем и раздавать тем, кому она нужна. Россией правит любовь.

– Кавказом правит слово!

– Давший слово и сдержавший его – человек честный! Значит, Кавказом правит честь!

– Если бы было так! Здесь человек может сказать слово, ты поверишь ему, но на следующий день он говорит другое слово, *утверждая* законность этого последнего слова. Вам, русским, будет тяжело! Вы ещё услышите много клятв в верности и любви, которые будут подкреплены выстрелами в спину.

– Мы пришли, чтобы объединить Кавказ и открыть дорогу ремёслам, торговле. Мы пришли не для того, чтобы убивать вас, а чтобы убить ваш страх друг перед другом. Чтобы предложить нечто иное, большее, чем просто желание обустроить свой быт дикими, зверскими методами, который в итоге никогда не будет находиться в безопасности. Ваш уют всегда будет оставаться предметом зависти соседа, а значит, вы, ваши жёны, ваши дети всегда будут находиться под прицелом ружей. Ваше спокойствие будет блистать лишь на кончиках ваших сабель.

– Да, это так! Чтобы жить, мы должны ненавидеть.

– Господин майор прав! – вмешался в разговор Ермолов. – Чтобы жить, нужно любить, а не ненавидеть. Зло ничего, кроме зла, породить не способно, а добро порождает любовь, дружбу, веру в справедливость. Вот я, например, артиллерийский офицер, по приказу стреляю картечью в мчащихся на меня людей. Батарея производит залп, но я не чувствую ненависти к врагу. Мне их даже где-то жалко. Безумцы! Вместо того чтобы научить своих детей ремеслу гончара, мельника, портного, их отцы, которые после моего выстрела никогда уже их не увидят, отцы, не умеющие понять другого, не слышащие слов, не умеющие вникнуть в ситуацию, на всём скаку мчатся навстречу своей смерти. А может, так и должно быть? Может быть, именно эти дикие и непокорные разуму люди должны умереть, чтобы расчистить путь оставшимся в живых, которые ценили бы жизнь и учились красоте, любви, пониманию. Может, я и не людей картечью расстреливаю вовсе, а людскую гордыню.

За такими разговорами коротались вечера. Слова сближали людей, а огонь согревал тела. К Дербенту рота Карягина подошла не серой безликой массой, а боеспособным подразделением со своим внутренним стержнем.

Трёхмесячный переход, начавшийся в середине декабря 1795 года, закончился сосредоточением казачьих, пехотных и артиллерийских подразделений в феврале следующего, 1796 года у берегов Каспия. Перед русским солдатом раскинулась крепость Дербент.

Самое раннее упоминание о Каспийском проходе – естественном узком понижении Кавказских гор вдоль морского побережья, который и перекрывала крепость, – Карягин, прочитавший множество книг, встречал в трудах Геродота. В ранних письменных источниках I века н. э. город упоминался под названием Чола. Он был крупным административным центром Переднего Кавказа и являлся центром Албанского государства. Город Чола был перестроен и ещё более укреплен при сасанидском шахе Хосрове I Ануширване и переименован в Дербент, название которого переводилось как «узкие ворота». Тогда же было построено первое каменное укрепление – башня Нарын-Кале. Исходя из географического положения города, название своё он вполне оправдывал.

Дальнейшая история этого города-крепости перенесёт нас с вами, уважаемый читатель, в те далёкие времена, когда на Переднем Кавказе господствовали аланы – предки нынешних осетин. Воинственные и властные аланы держали под контролем горные перевалы и использовали проходы у морских побережий для вторжения в Персию и Анатолию. Ещё одним вра-

гом Персии, угрожавшим стране с севера, был Хазарский каганат. Хазары совершали свои набеги на Иберию и Шемаху, подвластные Персии, и вдоль Каспийского моря доходили до центральных провинций ослабленного постоянными войнами государства. Персидские правители понимали, что противостоять многочисленным угрозам с разных направлений они не смогут. Тогда в начале VI века персидский правитель Кобад-шах из династии Сасанидов отправил хазарскому правителю посольство с прошением руки дочери кагана. Дербент-наме описывает эти события так: «Чтобы положить конец непрерывным столкновениям и войнам, Кобад-шах вознамерился жениться на дочери своего противника и с этой целью написал и отправил с особым посольством надлежащие письма, которые были доставлены хазарскому царю с подобающими почестями. Узнав содержание писем и выслушав послов, хазарский Каган-шах благоклонно принял предложение, изъявил согласие породниться с бывшим своим противником и изменил прежнее к нему отношение на дружественное. Удовлетворённые этим успехом, послы вернулись к своему государю с радостной вестью. Спустя некоторое время Кобад-шах приготовился к свадебным празднествам и отправил Каган-шаху 3000 людей с подарками, заключившимися в 100 верблюжьих выюках с серебром, в 50 таких же выюках золота и в 300 выюках с золотой парчой, с шёлковыми и другими тканями. Узнав об этом, каган выслал навстречу конницу в 5000 своих почётных людей, которые торжественно доставили прибывших к своему государю. После этого Каган-шах заготовил приданое и отправил свою дочь на верблюде, под драгоценным балдахинном, с 500 выюками драгоценностей, парчи, шёлковых и других тканей, с 50 прислужницами и с таким же количеством невольников. Когда, совершая переход за переходом, свадебный поезд этот достиг пределов Кобад-шаха, последний в свою очередь выслал навстречу 2000 конных людей из числа своих приближённых и почётных людей. Торжественно и с большими почестями дочь Каган-шаха была доставлена таким образом в столицу Медаин и водворена здесь во дворце и в гарем Кобад-шаха. Событие это совершилось к общей радости обеих сторон. По истечении некоторого времени Кобад-шах отправил к кагану новое посольство, доставившее ему письмо такого содержания: «Благодарение Господу миров за установление между нами дружбы и родства, которые поставили нас в отношения отца и сына! Надеюсь, что после этого ничто не вселит между нами недоразумения и вражды. Тем не менее, просьба моя заключается в том, чтобы вы изъявили согласие на постройку крепости на берегу моря, у оконечности стены, возведённой Искандером Зюлькарнаинном, которая бы служила пограничным пунктом между нашими государствами, и затем чтобы подданным моим было предоставлено право беспрепятственного посещения ваших владений, равно как и вашим относительно моих пределов». Обрадованный этим письмом каган ответил: «О, мой сын, Кобад-шах! Согласен, чтобы рядом со стеною Искандера была возведена крепость, которая, будучи заселена вашими людьми, и принадлежа вам, служила бы пограничным пунктом между нами и государствами Ирана». С этим письмом послы вернулись к Кобад-шаху, который, будучи обрадован им, приказал визирям собрать всех инженеров и архитекторов. Их оказалось 300. Собрав сверх того 6000 искусных мастеров и рабочих из своих подданных, он отправил их с 10000 воинов в сторону стены Искандера с приказом возвести там значительный город, а по окончании донести ему. Рассказывают, что желание возвести город и именно в этом пункте зародилось у Кобад-шаха вследствие того, что ему было известно предание, по которому Искандер Зюлькарнаин провел там стену по указанию явившегося ему Джебраила. Вельможи после больших приготовлений прибыли к указанному месту и, приступив к рытью фундамента, наткнулись в древнюю каменную стену, которая начиналась в Хазарском²⁸ море на расстоянии фарсаха²⁹ от берега и тянулась затем до нынешних османских владений у Чёрного моря. Стена эта, занесённая песком и мусором, была, по повелению Кобад-шаха, в течение долгого времени раско-

²⁸ Каспийском

²⁹ Персидская мера длины, равная 5549 м.

пана и исправлена в повреждённых местах многочисленными воинами и рабочими. Она же в пределах Табасарана была снабжена в необходимых местах железными воротами. Когда стена эта была приведена в надлежащее состояние, последовало приказание, чтобы южнее её была сооружена и другая. В течение 7 месяцев город был окончен и снабжён железными воротами и назван Баб-уль-Абваб-Дербентом³⁰. Об этом событии главнокомандующий вместе с главным строителем нового города донесли Кобадю. По повелению Кобад-шаха в Дербенте были водворены 3000 семейств, переселённых из Ирана и принадлежащих племени самого государя, и, сверх того, туда же были отправлены 3000 всадников для постоянного несения караульной службы. Завоевав Ширван, Кобад I велел поставить на северных пределах этой области от моря до врат Аланских огромный вал, в котором было 300 фортификационных узлов. Но не только постройкой крепости прославился Кобад I. Во времена его правления возникла коммунистическая секта маздакитов, проповедовавшая полное равенство людей, общность имущества и женщин. Кобад сначала оказывал поддержку секте, чтобы с помощью низших классов ослабить аристократию и духовенство. Впоследствии он был вынужден принять сторону господствующих сословий, и движение маздакитов захлебнулось в потоках собственной крови».

Окончил постройку Дербентской крепости и окончательно придал ей облик сын Кобад-шаха – Хазрой I Ануширван. Он построил вокруг Дербента целый ряд укреплений, в том числе Шемаху, и поселил здесь выходцев из Персии. Таким образом, Дербент стал самым северным форпостом Персии, наглухо заперев Каспийский проход и всё Закавказье от посягательств северных народов. Однако крепость возникла не на пустом месте. До того, как на преддверье Кавказа бросили взгляд персидские правители, на протяжении почти двух веков город Диауна с башней-цитаделью Нарын-Кале, на месте которых и была возведена крепость, являлся оплотом христианства.

На протяжении следующего после постройки крепости тысячелетия город покорялся арабам, туркам-сельджукам, золотоордынским кочевникам, пока вновь не попал под власть персидских правителей. Произошла исламизация региона. Халифы, эмиры, князья... Расположенный на перекрёстке торговых путей, Дербент часто переходил из рук в руки. Город с его многовековой историей помнил, как в 1395 году через Каспийский проход Тамерлан вышел в долину Терека и на его берегах нанёс сокрушительное поражение войскам Золотой Орды. Помнил он и Персидский поход Петра I в результате которого 22 августа 1722 года русская армия впервые вступила в город. Целых тринадцать лет русский гарнизон находился в Дербенте, пока по Гянджинскому договору город не был возвращён Персии. И вот русская армия вновь подступила под стены твердыни.

Глядя на город, Карягин думал об одном: там, за крепостными укреплениями, можно укрыться от холода. Нет, не его самого, много повидавшего, закалённого невзгодами офицера, беспокоила промозглость ногайских степей и Дагестана. Солдаты, особенно молодые, и младшие офицеры стали заболевать лихорадкой задолго до подхода к крепости. Недалеко от города Тарку произошёл случай, который впоследствии сыграл немаловажную роль для подразделения Карягина. Подходя к любому крупному населённому пункту, егеря и мушкетёры перестраивались из походных колонн в боевые порядки. Егерские батальоны смыкались в непробиваемое каре, защищая конно-артиллерийскую бригаду, которой командовал Ермолов, мушкетёры в боевых колоннах защищали фланги, а казаки и калмыки, охватывая глубокими обходами города и посёлки, выясняли обстановку. Если их гарцевание на виду у местных жителей вызывало желание оказать русским войскам помощь, подполковник Баранов, командовавший казаками, докладывал генералу Савельеву о намерениях горожан, и войска становились на постой. У Тарку же вышел конфуз.

³⁰ Буквально Баб-аль-Абваб (аль-Баб) означало «Главные (Большие) ворота», «Ворота ворот». Фигурировал под этим названием в арабской историко-географической литературе.

Правитель этой земли шахмал Тарковский Мехти, увидев эволюции русского воинства, молниеносные перестроения и развёртывание сил, пришёл в неопиcуемый восторг от увиденного. Подполковник Баранов въехал на окраину Тарку и потребовал к себе шахмала. Мехти лично встретил казаков и убедил их в верности присяге, которую десять лет назад дал его отец. Вернувшийся с доброй вестью Баранов успокоил Савельева, и в Тарку решено было входить при развёрнутых знамёнах походными колоннами. С террасы своего дома, стоящего на возвышенности, Мехти восторженно наблюдал за перестроением массы русских войск. Воодушевлённый увиденным, Мехти приказал также собрать отряд из трёхсот юношей, который должен был выступить навстречу отряду Савельева.

Едва джигиты Мехти выехали за околицу Тарку, как шахмал уже в третий раз имел возможность лицезреть очередные манёвры русской армии. Правда, правитель не понял, что на этот раз причиной движения русских войск стали его опрометчивые действия. Не разбираясь в ситуации, Савельев, заметив скачущий навстречу отряд горожан, отдал приказ сомкнуть батальонные каре. Спустя полчаса Мехти объяснял генералу, въехавшему с обнажённой саблей к нему во двор, что он, правитель Тарковский, не имел злого умысла, а лишь хотел с почётом встретить русские войска. Недоразумение уладилось, а Савельев, приказавший отражать атаку, как ему показалось, вероломных тарковцев, перевёл дух. Мехти же не просто оказал всяческие знаки внимания, но и велел освободить несколько домов, чтобы разместить в них простуженных русских солдат. Всё это происходило в январе, в самый разгар зимы, выдавшейся в этом году на удивление снежной и холодной. Карягин с теплом вспоминал Тарку и его добрых обитателей и, между прочим, отметил, что горские народы могут быть вполне дружелюбны и гостеприимны, а кроме того, обладают достоинством и храбростью. Савельев в благодарность за добродушие тарковцев сгрузил Мехти подводу хлеба и подарил кинжал, полученный из рук Потёмкина за героическую оборону станицы Наурской моздокскими казаками под его, казачьего полковника, началом.

Оставив больных и обмороженных солдат в Тарку, отряд Савельева выдвинулся дальше на юг, и к вечеру дорогу русским солдатам перегородила многокилометровая стена, тянувшаяся от взгорий Кавказа до самого побережья Каспия и терявшаяся далеко в море.

– Это просто восьмое чудо света какое-то! Кто всё это построил – неужто древние гиганты? – услышал Карягин позади себя знакомый восторженный голос.

Обернувшись, егерь увидел Ермолова.

– Вот они, «Золотые ворота» Кавказа... – Тот хотел добавить ещё что-то, но громкий приказ Савельева остановил артиллериста.

– Мушкетёрским командам приступить к постановке вагенбурга. Егерям – с фронту против крепости рыть окопы в две линии с ходами и норами, а ты, Баранов, бери сотню и проедься вдоль стен крепостных. Погляди, как встретят. Ежели вышлют чиновников здешних, с почестями препроводи в наш лагерь. Полковник Лазарев, майор Карягин и вы, господин Верёвкин, через три четверти часа явитесь ко мне в палатку.

Организовав работы по обустройству оборонительных сооружений и выставив охранение, командиры егерей вошли в палатку Савельева.

– Для вас не секрет, господа, – начал генерал без лишних эквивоков, – что дела с удовольствием у нас обстоят плохо. Запасы еды и фуража израсходованы ещё в пути, посему крайне важно в ближайшее время, заручившись поддержкой дербентцев, войти в город и обосноваться там. Зима была лютая, у нас много помороженных и больных. Генерал-аншеф Гудович отдал распоряжение занять город любыми средствами, кроме штурма. Мы не знаем количество войск в крепости и не можем рисковать уставшими, голодными и обессиленными людьми. Я надеюсь, что юный Шейх Али-хан затем и посылал письма и своего посланника в столицу, чтобы с нашей помощью встать против Ага-Мохаммед-хана. Для демонстрации намерений третий батальон егерей под командованием полковника Мансурова и четвёртый бата-

льон полковника Лазарева подойдёт под стены крепости у главных её ворот. Вам же, господин Карягин, поручено передать послание Али-хану с нижайшей просьбой пустить нас вовнутрь крепости и помочь укрепить её от злобного евнуха. Ежели дело обернётся худо, батальонам, построившись в каре, отходить в направлении вагенбурга, в окопы под прикрытие батареи, которую уже начал строить Ермолов.

Только сейчас, привыкнув к полутьме, царившей в палатке Савельева, офицеры-егеря заметили майора Ахвердова, сидящего в дальнем углу на барабане. Генерал Савельев попросил майора приблизиться к столу и рассказать о результатах переговоров с Али-ханом. Ещё утром, когда егерские и мушкетёрские команды подтягивались к месту дислокации, штаб-офицер Ахвердов был отправлен в город с требованием впустить в его пределы русские войска.

– На наше требование прислать довереннейших чиновников для заключения оборонительного союза против Ага-Мохаммед-хана Али-хан, отвечая отказом, уверил, что не знает и не видит повеления императрицы, разрешающего вступление русских войск в его владения. Хотя он и просил прежде о присылке ему денег для найма войск против Ага-Мохаммед-хана, но тогда он не знал могущества персидского властителя, – начал свой рассказ Ахвердов. – Теперь же он не решается впустить в город столь малый отряд русских из опасения, что не только его владения около Кубы будут разорены персиянами, но и отряд русских войск может также пострадать. На требование впустить отряд в город хан ответил отказом: «Я не могу этого сделать, потому что, впусив русские войска в город, должен расположить их по квартирам, а по нашему закону иметь иноверца на постое строго запрещается. Наши жены, по обычаю, не должны встречаться с неверными, отчего произойдёт жителям больше стеснение». Таков был его ответ. Со мною же обращались в городе весьма дурно. Али-хан намеревался даже послать меня в качестве экзотического подарка Ага-Мохаммед-хану. Лишь заступничество уцмий³¹ позволило мне вернуться в отряд.

– Что ж, повеление государыни нашей Екатерины в город отвезёт майор Карягин, – резюмировал генерал Савельев. – В случае повторного отказа вынуждены будем силой войти в пределы Дербента. Зимовать в голодной и холодной степи нет ни возможности, ни желания.

На следующий день две колонны егерей двинулись в сторону городских ворот. Карягин быстро нашёл взглядом Котляревского и Лисаневича. Юноши шли спокойно и уверенно, как на параде. Справа от майора Карягина семенил Вани. На полпути к городским воротам егеря повстречались со старым муллой, который сказал, что лично передаст послание Али-хану, но Карягин, памятуя приказ начальства, настоял, чтобы самому в сопровождении Вани попасть в крепость. Мулла показал знаком, чтобы русский парламентёр и его сопровождающий следовали за ним.

Через полчаса перед Карягиным и Вани открылись ворота, и они попали в город. Его улицы оказались очень узкими. Дома были высокими, с толстыми стенами, выстроенные из тёсаного камня, с крошечными окнами, рамы которых заменяли решетки, что придавало домам мрачный облик тюрем. Перед главной мечетью города располагалась красивая площадь в форме правильного квадрата. Обширная и чистая, она была обрамлена ровными рядами домов. Лишь с одной стороны улица была выше уровня площади, и поэтому больше напоминала террасу, окаймлённую несколькими деревьями. Подниматься на эту улицу местным жителям приходилось по двум лестницам из тёсаного камня. Между лестниц журчал источник весьма чистой и прозрачной воды, наполняющей бассейн, также сделанный из тёсаного камня. Однако более всего поразил Карягина вход на глухой квадрат площади. Единственный проём, грубо проделанный прямо в стене, в который можно было поместиться, лишь согнувшись пополам, служил входом на площадь. И Карягина, и Вани этот способ попадания к мечети

³¹ *Уцмий* – наследственный титул правителя Кайтага (область в Дагестане).

очень повеселил. Они не знали, что уже скоро им придётся вновь воспользоваться спасительным лазом.

Дворец правителя, к которому их привёл мулла, располагался на горе, названной местными жителями Нарын-Кале, и отличался от соседних построек. Он был довольно красив внешне. Внутреннее убранство дворца, построенного отцом нынешнего правителя Фатх Алиханом, поражало красотой комнат и обширными галереями, а стены и полы покоев были украшены фресками и мозаиками.

При входе в комнату правителя Дербента Карягина обезоружили.

На полу, вымощенном камнями и покрытом лишь козьими шкурами и тростниковыми циновками, удобно устроившись на небольшом диване, восседал семнадцатилетний владыка Дербента – Шейх Али-хан. Глядя на этого юношу, Карягин невольно сравнил его со своими сержантами Лисаневичем и Котляревским. Все они были примерно одного возраста, но насколько различны были их судьбы. Мальчишкам-егерям приходилось кровью и потом доказывать обоснованность своего существования на Земле, шаг за шагом, с кровавыми мозолями на руках и ногах преодолевать очередную ступеньку социальной значимости. Иное дело – дербентский правитель Али-хан. Мать этого златокудрого мальчика, которая, по слухам, была то ли еврейка, то ли некогда украденная отцом в набеге армянка, – кроме внешности, подарила Али-хану отменный ум.

Несмотря на юный возраст, Али-хан вёл себя со свойственным Востоку высокомерием и гордостью. Он указал жестом гостям на циновки, расстеленные у его ног.

– Вани, переведи этому молокососу, что я не то чтобы не уважаю его, но раны мои не позволяют преклонять колени. Из уважения к своим ранам, а не из презрения к дербентскому правителю, я постою, – произнёс егерь, обращаясь к Вани.

Вани в точности повторил слова Карягина на армянском языке. Али-хан скривился. «Значит, понял!» – отметил про себя Павел Михайлович. Юноша встал и, сдвинув брови, произнёс грозную речь, разбившуюся о непонимающий взгляд Карягина и его снисходительную улыбку. Эта улыбка окончательно вывела из себя Али-хана, и, вытащив наполовину из ножен клинок своей богато инкрустированной шашки, он произнёс ещё несколько резких фраз.

– Чего он хочет, Вани? – не меняя выражения лица, спросил у своего армянского друга Карягин.

– Только что он рассказал все сведения о гарнизоне крепости и его укреплениях. А ещё приказал бросить нас в яму. Последними же словами он вызвал одного из своих военачальников и приказал атаковать.

– Кого? – раскланявшись, но всё с той же улыбкой спросил Карягин.

– наших егерей, что у ворот.

– Предупредить мы их уже не успеем.

– Нет, не успеем.

– Тогда противника надо задержать!

Карягин привычным внимательным взглядом оглядел веера сабельных и шашечных клинков, развешенных по стенам. Холодным оружием он владел в равной степени обеими руками. План вызрел в голове мгновенно. Если успеть сорвать со стены несколько сабель и направить на грудь этого мальчика, который, Карягин был просто уверен, от страха потеряет самообладание, ситуацию можно будет изменить.

Русский майор уже успел сделать шаг в сторону ближайшей стены с клинками, как вдруг сзади раздался женский мелодичный, но повелительный оклик на русском языке:

– Не надо!

Карягин оглянулся. В дверях, за которыми скрылся кавалерийский командир дербентцев, посланный Алиханом против егерей, стояла прекрасная белокурая девушка. Невысокого роста, с красивыми чертами лица и правильными, слегка вздёрнутыми к носику губами, вошедшая в

зал прелестница приковала взгляд тридцатисемилетнего Карягина к себе. На вид ей было не больше девятнадцати лет, и её небольшой рост делал девушку более похожей на ребёнка. На какой-то миг их взгляды встретились, и девичье сердце, не знавшее сладостных мук любви, впервые затрепетало. Она не могла отвести взгляд от этого статного, уверенного в себе русского офицера, единственного на её памяти, что не пал ниц перед грозным и могущественным правителем города-крепости. Девушку сопровождали двое мужчин: старец-мулла и среднего возраста армянин. Этот эскорт придавал солидности молодой прелестнице, а её сопровождающие казались мудрой опорой легкомысленной молодости.

Али-хан выругался и что-то грозно приказал вошедшей девушке. Не обращая внимание на угрозы, юная красавица приблизилась к дивану сзади и обняла за шею юношу. Прошептав ему что-то на ухо, она вновь вернулась к гостям. После слов девушки лицо Али-хана потеряло прежнюю злобу, и он, заулыбавшись и раскланявшись гостям, прежним повелительным жестом дал понять, что аудиенция окончена.

– А ведь мы даже не успели сообщить ему, зачем пришли! – с иронией в голосе произнёс Карягин.

– Мой брат отлично знает о цели вашего визита, – произнесла в ответ девушка. – Не подумайте, что Алихан настолько невежлив, что приказал запереть ворота перед носом русских без всяких причин! Наоборот, он прекрасно понимает, что ваш отряд слишком незначителен, чтобы оказать ему поддержку против Ага-Мохаммед-хана. Боясь возбудить гнев Каджара, если мы примем русских, Али-хан велел в знак полной покорности Персии запереть городские ворота.

– Мы же на его призыв о помощи так спешили под стены Дербента! Выходит, стоит опасаться измены со стороны тех, кого императрица взяла под свою монаршую опеку?

Проводник-армянин покачал головой и вполголоса произнёс по-армянски, вплотную подступив к Вани:

– Не верьте Али-хану. Несмотря на молодость, он лицемерен и коварен. В конце 1793 года турецкий султан прислал в Дагестан фирман, побуждая его владельцев поднять оружие против России. Шейх Али-хан, не столько из преданности Порте, сколько из жадности, желая получить дары, в августе 1794 года отправил верного слугу Мамет-бека в Константинополь, прося у Порты даров, после чего обещал действовать против России. Просьба его осталась без ответа, но в это же самое время он клялся в преданности России и даже целовал Коран.

Пока Али-хан с типичным для жителей Кавказа, желающих проявить своё гостеприимство, многословием изъяслял свои добрые намерения, Вани перевёл услышанное Карягину, на что майор недовольно фыркнул:

– Какое двуличие! Впрочем, это столь типично для Кавказа, что мне и удивляться здешнему вероломству не приходится. Выходит, наши войска очутились благодаря действиям Али-хана в весьма жалком положении, находясь зимою возле теперь уже неприятельского города, без приюта и провианта.

Карягин знал о том, что несколько раз в течение года в Дербент ездил майор Ахвердов, посланный Гудовичем к хану с требованием присягнуть на верность России. В обмен Гудович обещал прислать войска для совместного отражения персидского вторжения. Молодой, но хитрый Али-хан в ответ на это заявил, что войск не нужно, а нужны деньги для найма большего числа вооружённых горцев для защиты Дербента.

– Спроси этого человека, кто он? – обратился к своему верному Вани егерь, указывая на армянина, сопровождавшего девушку.

После обмена несколькими фразами Вани сообщил майору:

– Это Дадаш Степан, советник ханской сестры и её любимец. Слывёт первым на всю округу мудрецом. Конечно же, после уважаемого мурзы.

Вани кивнул в сторону старца-муллы, который, если судить по возрасту, казалось, был знаком с самим пророком Мухаммедом. Несмотря на свою глубокую старость и даже древность, старик был в ясном уме и твёрдой памяти. Жителями Дербента мулла особенно почитался не только за то, что каждый из них был младше старца, и большинство жителей сохранились в его памяти ещё младенцами, но и за его живой ум, весёлый характер и бесхитрость рассуждений, в своей простоте скрывавших жизненные истины.

Неожиданно созерцание Карягиным ханских покоев было прервано девушкой, смело взявшей его за руку. Тонкий пальчик второй руки она, таинственно улыбаясь, поднесла к своим очаровательным губам.

– Кто вы? – не скрывая своего удивления, выпалил Карягин, как только дверь в покои Али-хана захлопнулась за их спиной.

– Сестра правителя Дербента Пери Джахан-ханум, – ответила юная прелестница, не отрывая глаз от Карягина.

– Кубанского егерского полка майор Карягин Павел Михайлович, – в свою очередь представился егерь. – А это мой помощник, армянин Юзбаши Вани Атабекян, сын джрабердского мелика. Разрешите полюбопытствовать, а что означает ваше имя?

– Госпожа Прекрасная фея света. Восточные имена очень поэтичны и красивы. Но для иностранцев слишком сложны. Близкие меня зовут просто «Вике». Мне хочется, чтобы и вы меня так звали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.